

**ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ**

**ИЗ
ДНЕВНИКА
ТУРЕЦКОГО**

**ДОРОГИЕ
ДЕВУШКИ**

Из дневника Турецкого

Фридрих Незнанский

Дорогие девушки

«Автор»

2008

Незнанский Ф. Е.

Дорогие девушки / Ф. Е. Незнанский — «Автор», 2008 — (Из дневника Турецкого)

В основе книги подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными. В агентство «Глория» обращается женщина с просьбой найти ее пропавшую подругу. За дело берутся Антон Плетнев и Александр Борисович Турецкий. Простое на первый взгляд дело оказывается первым звеном в череде странных и страшных происшествий. Бывший «важняк» Турецкий оказывается втянутым в почти мистическую историю, где все не то, чем кажется, где правит бал абсурд, где реальность и сновидения меняются местами и где даже найденные трупы к утру исчезают из морга. Турецкий упорно идет по следу пропавшей девушки, не догадываясь, что в конце пути его ждет смертельная схватка с Неведомым...

© Незнанский Ф. Е., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
1	8
2	10
3	14
4	17
5	20
6	22
7	27
ГЛАВА ВТОРАЯ	30
1	30
2	36
3	38
4	41
5	43
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фридрих Незнанский

Дорогие девушки

ПРОЛОГ

«Сегодня ночью мне в голову пришла забавная мысль. Индуисты верят в переселение душ. Так? Так. Получается, что тысячелетиями на свете живут практически одни и те же люди, но в разных обликах. „Пускай живешь ты дворником – родишься вновь прорабом. А после из прораба и до министра дорастешь“. Примерно так. Но ведь население земли растет! Что при неизменном количестве душ выглядит странновато. Количество душ неизменно, а количество тел с каждым годом увеличивается. Дураку понятно, что душ на всех не хватит.

Но ведь мы живем, плодимся и неплохо размножаемся. Напрашиваются два вывода. Либо половина жителей земли живет без душ. Что в принципе объясняет все безобразия, которые творятся на земном шаре. Либо кто-то там наверху вынужден резать каждую душу на куски, как именинный торт, чтобы каждому досталось хотя бы по кусочку. Это тоже многое объясняет.

В любом случае, ситуация с душами довольно поганая. А значит, Царства Божьего на земле нам не видать как собственных ушей. Да ладно царство. Самое обидное, что такие псы, как я, никогда не останутся без работы. Более того – чем мельче будут душонки, тем больше у нас будет работы.

За ужином поделился этой мыслью с Ириной. Объяснял долго, путано, сбиваясь с мысли. В общем, очень долго объяснял. Пару раз приложился к стакану, чтобы перевести дух и поднабраться сил. Ирина слушала молча, но при этом смотрела на меня как на полного идиота. А потом притащила из книжного шкафа книжонку какого-то поэта из современных. Раскрыла и ткнула пальцем в строки. Вот в эти вот:

«Но ведь растет народонаселенье.
Твои индусы, брат, не замечают?
Вот наши души – новые творенья?
Иль это прежние, дробясь, мельчают?»

Всего четыре строки. А я пыхтел десять минут, чтобы объяснить. До чего все-таки удивительная вещь эта поэзия. Каждое слово стоит двадцати.

Не знаю почему, но мне стало обидно. Вероятно, это из-за того, что за ужином я принял грамм триста водки, а после водки я всегда становлюсь болтливым, обидчивым и сентиментальным.

С Ириной у нас по-прежнему швах. Как две половинки одного куска. Только один из них свежий, ароматный, смазанный бутербродным маслом, а второй – засохший, черствый, грязный, несъедобный. Который из этих двух кусков я? Ответ очевиден.

Вообще, забавный у нас с ней был разговор.

– Ир, – говорю, – может, сходим куда-нибудь? Развеемся.

– Куда? – спрашивает, а сама смотрит так холодно, не глаза, а две замерзшие лужицы.

– В кино, – отвечаю. – Мы с тобой сто лет не были в кино.

– Турецкий, но ты ведь на самом деле этого не хочешь.

– Может быть, – отвечаю. – А может быть, хочу.

– Если и хочешь, то не со мной.

– А с кем?

– С кем-нибудь другим. Помоложе да поярче меня и другого пола.

Хотел возразить, а потом махнул рукой. Что тут скажешь? «Может, да. А может, нет». Хорош ответ.

– Ладно, – говорю. – Тогда ты, наверно, не будешь возражать, если я проведу остаток вечера в баре?

– Что ты, – говорит, – милый. В последнее время бар тебе – дом родной. Разве я могу лишиться человека дома?

– Не можешь, – отвечаю с кривой ухмылкой.

Она пожимает плечами:

– Тогда к чему эти вопросы? Иди куда хочешь.

Встала, собрала тарелки, бросила их в раковину и ушла в спальню. Вот и поговорили.

Ладно, я не в обиде. Бар так бар. Но на душе осадочек. И эти дурацкие вопросы в голове... Все время крутится – «Что же с нами, черт возьми, происходит? И когда это началось? И что такое „это“?»

Кстати... вернее, совсем некстати, но... сегодня вечером позвонил Плетнев. Говорит, утром в «Глорию» заедет какая-то барышня. Барышня «жутко волнительная». Позвонила и раскудаhtалась в трубку: «Подруга пропала! Убили, зарезали, утопили! Жуть! Кошмар!» В чем там суть я так и не понял. Не до того было. Вообще, надо завязывать с «Глорией». Надо, Саня, надо. Чувствую себя детсадовским полицейским. Скоро буду подряжаться на поиски детских подгузников.

Частный детектив, специалист по поиску украденных подгузников Александр Турецкий! Звучит неплохо. Может быть, даже прославлюсь на этом поприще, и мою физиономию напечатает на обложке журнала «Работница». Чем не слава?»

Александр Борисович усмехнулся, пару секунд помедлил, потом закрыл тетрадь, бросил ее в верхний ящик стола и запер его на ключ.

Рука потянулась за сигаретами, однако пачка была пуста. «Черт!» – сказал Александр Борисович, смял пачку в кулаке и яростно швырнул ее в урну для бумаг.

На кухне Турецкий долго рылся в шкафах, затем пошарил на антресолях, однако сигарет нигде не нашел. На улицу идти не хотелось. Александр Борисович потихоньку прошел в спальню и прислушался к дыханию жены. Ему показалось, что дышит она неровно, прерывисто.

– Ир, – тихо позвал Турецкий.

Ответа не последовало.

– Ир, ты не спишь?

– Сплю, – ответила жена.

– Слушай, ты не видела мои сигареты? Целый блок где-то оставался.

Ирина протянула руку и включила лампу. Сонно поморгала, привыкая к свету, затем посмотрела на часы.

– Турецкий, ты разбудил меня в два часа ночи, чтобы спросить про сигареты? – спросила она с металлом в голосе. – У тебя совесть есть?

– Если бы не было, я бы дождался четырех часов утра, – ответил Александр Борисович, стараясь сохранить «хорошую мину при плохой игре».

– Что ж, ты всегда был эгоистом. Твои сигареты на балконе. В красной тумбочке. Это все?

– Слушай, Ир, чего мы все время ссоримся, а?

– Посмотри на часы и поймешь.

– Да я не про сейчас говорю. Я вообще.

– Насчет «вообще» спросишь в другой раз. Когда будешь чуточку потрезвее. Спокойной ночи, гражданин начальник.

– И вам того же.

Ирина выключила лампу, и Турецкий вышел из спальни. Настроение было окончательно испорчено.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

1

– Не знаю, Марина, мне кажется, что ты сильно преувеличиваешь. – Хрупкая, коротко стриженная и очень ухоженная брюнетка отпила из бокала глоток коктейля и облизнула губы быстрым красным язычком. – Все не так уж и плохо.

– А я и не говорю, что плохо, – пожалала плечами ее собеседница, стройная, смазливая блондинка, из тех, про кого обычно говорят «ноги от ушей» и «девяносто-шестьдесят на девяносто». – Просто мне все надоело, понимаешь? Год идет за годом, а в жизни ничего нового.

Брюнетку звали Люда Шилова, она была владелицей фитнес-клуба и пары салонов красоты на севере столицы. Блондинку – Марина Соловьева. Она нигде не работала, жила на то, что оставил ей при разводе бывший супруг (и, судя по ухоженному виду, очень даже неплохо жила), и обожала экстремальные виды отдыха.

Вот уже десять минут Марина рассказывала Люде о том, какой пресной стала ее жизнь, пытаясь вызвать в подруге сочувствие и получить от нее моральную поддержку. Однако Люда не готова была поддержать подругу. Самой-то ей скучать было некогда, салоны и фитнес-клуб отнимали слишком много времени.

Люда была убеждена, что для Мариной хандры люди давным-давно придумали определение, и звучало оно так: «Девка с жиру бесится».

Марина закурила, а Люда посмотрела на ее тонкое, томное, капризное лицо и сказала:

– Тебе нужно сменить обстановку. Съезди куда-нибудь, развейся.

– Куда? – насмешливо прищутив зеленые глаза, поинтересовалась Марина.

Люда пожалала плечами:

– Ну, не знаю. Если надоел юг, смотайся на север. В тундру, на Аляску. Покатайся на оленьих упряжках, поешь строганину, поохотся на белых медведей.

Марина усмехнулась.

– Ага. И потрахайся с моржами, так что ли?

– Почему обязательно с моржами. Там ведь есть эти... как их... чукчи. Или эскимосы. Наверняка среди них есть настоящие самцы. Они ведь живут как первобытные люди – все добывают своими руками.

Марина хрипло засмеялась.

– Хороший совет, ничего не скажешь. Может, мне еще в угольную шахту спуститься? Там тоже самцов хоть отбавляй. Все здоровые, черные и с отбойными молотками наперевес!

Тут рассмеялась и Люда.

– А вообще тебе нужен хороший роман.

– У меня недавно был роман.

– У тебя была постель, – возразила Люда. – А я говорю про настоящий роман. С цветами, стихами, влюбленностью и ревностью.

Марина удивленно-насмешливо уставилась на Люду.

– Подруга, мне тридцать один год, – сказала она. – Какая к черту влюбленность?

Люда нахмурила лоб и кивнула:

– Да, ты права. В нашем возрасте влюбиться трудно. Практически невозможно. Но, с другой стороны, можно поиграть в любовь. Вообразить, что все это по-настоящему. Найти мужика посимпатичнее, с бицепсами и мозгами и...

– Где ты такого найдешь?

– Ну, иногда встречаются.

– Где? В голливудских фильмах?

Люда отхлебнула коктейль, почмокала губами и сказала:

– Знаешь что: тебе нужен мужик, который бы не знал, что у тебя полно денег. Кто-нибудь совсем посторонний, не из нашей тусовки.

Марина выпустила изо рта тонкую струйку дыма и дернула уголком губ.

– Где ж я такого возьму?

– Над этим нужно подумать. Я бы предложила тебе кого-нибудь из своих знакомых, но ты же мой «контингент» знаешь. Либо козлы, либо женатики.

– Женатика не хочу, – поморщилась Марина. – Я этого добра нахлебалась.

– А я тебе и не предлагаю. Я просто размышляю вслух. – Люда допила коктейль, взяла со стола сигареты и откинулась на спинку стула.

Закуривая, она наморщила лоб, усиленно соображая, где же найти подруге «совсем постороннего» мужика. Однако ответ нашла сама Марина.

– Знаю! – сказала она вдруг. – Знаю, где такого найти!

– И где? – с любопытством спросила Люда.

– В Интернете!

– Ты с ума сошла. Женщины нашего круга в Интернете не знакомятся.

– Я тебе про то и говорю. Как ты правильно заметила – это «совсем другая тусовка».

В глазах Люды читалось сомнение.

– Ну, не знаю, – медленно проговорила она. – Как-то все это странно.

– А заниматься сексом с незнакомцем в туалете самолета – это, по-твоему, не странно?

Люда дернула плечом.

– Это было всего раз, – весело ответила она. – И потом, мне в голову ударило шампанское, а он был такой красавчик. Я бы никогда не поступила так снова.

– Ой ли? – насмешливо прищурилась Марина.

– Конечно, нет. Я стала старше и умней.

– А тот грузин из автосалона?

– Какой грузин?... А, ты про того. Ну, это была случайность. Я не собиралась с ним спать. Все как-то само собой получилось. – Люда стряхнула с сигареты пепел и улыбнулась приятным воспоминаниям. – А он был хорош. Настоящий горячий кавказец. Нечасто найдется мужчина, который сможет меня совершенно вымотать за ночь. А ему это удалось.

Глядя на довольную физиономию подруги, Марина рассмеялась.

– И после всех этих «случайностей» ты говоришь, что знакомство по Интернету – это странно? – со смехом сказала она.

Люда, однако, не совсем избавилась от скепсиса. Она лениво пожала плечами и сказала:

– Что ж, подруга, поступай как знаешь. В конце концов, это твоя жизнь. Да и потом, никогда ведь не знаешь, где встретишь свою судьбу. Может, найдешь себе по переписке молодого арабского шейха, и он увезет тебя отсюда куда-нибудь на Луну. Но ведь ты и на Луне не успокоишься, вот в чем проблема. Кстати, тут недалеко есть Интернет-кафе. Если хочешь, зайдем. Там подают неплохое мороженое.

2

– Да нет же, не сюда! Сразу видно, что среди твоих мужчин не было президента компьютерной фирмы. – Люда забрала у Марины «мышку», навела курсор на нужную ссылку и легонько щелкнула.

На экране появился маленький забавный купидончик с луком и стрелами в руках.

– Вот, теперь смотри, – комментировала свои действия Люда. – Если хочешь найти себе заграничного мужа, жмишь на левую кнопку...

– А если нашего, доморощенного? – спросила Марина, с любопытством глядя на экран монитора.

– Тогда – на правую.

– Жми на правую!

Люда щелкнула правой кнопкой мыши, и на экране появилась галерея цветных фотографий.

– Ого! – улыбнулась Марина. – Сколько красавцев, жаждущих надеть на шею хомут! И откуда только они берутся. Среди наших с тобой знакомых таких днем с огнем не сыщешь.

– Просто мы общаемся не с теми мужчинами, – сказала Люда.

Девушки принялись разглядывать фотографии.

– Вот этот вроде ничего, – сказала Люда, наведя курсор на светловолосого, румяного мужчину. – Прямо кровь с молоком.

– Ага. Настоящий деревенский пахарь. Я, конечно, жажду разнообразия, но не настолько. Тем более ему всего двадцать восемь. Совсем ребенок, мне с ним и поговорить-то будет не о чем.

– Зато в постели должен быть горяч. Ну а рядом с ним? Вот этот – с боксерским носом. По-моему, ничего.

Марина, прищурившись, посмотрела на фотографию.

– Да ты что, у него же рожа уловника! Меня с ним ни в один приличный ночной клуб не пустят.

– У человека с такой физиономией должен быть свой ночной клуб, – насмешливо заметила Люда. – Ладно, не хочешь, как хочешь. Смотри сама.

Марина еще раз окинула взглядом галерею фотографий и наморщила нос.

– А это все? – спросила она.

– Те, что с фотками, да. Тут еще без фотографий есть. Рубрика «Свидание вслепую». Хочешь посмотреть?

– Давай.

Люда внимательно посмотрела на подругу, покачала головой и открыла следующую страницу.

– Ну вот. Смотри, – сказала она, брюзгливо скривив губу. – Наверняка тут собрались одни уроды, которым даже физиономию показать стыдно.

– Ну, может быть, они просто стеснительные, – предположила Марина. – Не хотят, чтобы их коллеги по работе увидели, или еще что-нибудь.

– Боятся, что их засмеют?

– Угу.

– Ну, значит, не просто уроды, а к тому же еще и закомплексованные извращенцы.

– Всю жизнь мечтала познакомиться с извращенцем, – пошутила Марина. – Может, он научит меня паре-тройке экзотических штучек.

– Ага, напялит на член носок и будет бегать с тобой по квартире с граблями, – усмехнулась Люда. – Или захочет, чтобы ты в момент оргазма надела противогаз. Кстати, с противогазом я уже пробовала – ничего особенного.

– А с граблями? – со смехом спросила Марина.

– До граблей дело еще не дошло!

Девушки переглянулись и засмеялись.

– Ой, подружка, уморишь ты меня, – сказала Люда, аккуратно смахивая пальцем слезы с накрашенных век. – Ну, что? Нашла что-нибудь интересное?

– Ага. Вот этот – под номером семь. Описание мне нравится.

– Ну-ка, дай прочту.

И Люда прочла вслух.

«Дорогие девушки! Рад, что вы читаете мою анкету. Раз это так, значит, для меня не все потеряно;)

Прежде всего опишу себя. Высокий, как семафор, широкоплечий, как коромысло, с умом Ботвинника и внешностью Жана Габена. Живу на свете тридцать три года, и до сих пор не надоело. Люблю жизнь, поэзию, кино, вино и красивых девушек. Но своей избраннице верен – практически однолюб. Обручальные кольца меня не пугают. Цены в ювелирных магазинах – тоже. Готов познакомиться с высокой блондинкой, обладающей бюстом седьмого размера (Шутка! Согласен и на второй). Безвредных привычек не имею, вредные – тщательно скрываю. Холост, морально и психически устойчив, истинный ариец. Зовут Родион, коротко – Родя».

Люда закончила читать и повернулась к Марине.

– Слушай, не хочу показаться душой, но кто такой Ботвинник?

– По-моему, какой-то спортсмен, – ответила Марина.

– Значит, этот Родя умен, как спортсмен? Довольно самокритично, тебе не кажется?

– Зато у парня есть чувство юмора.

– Было бы чувство юмора, он бы еще длину пениса указал. Ведь про номер груди написать не забыл. Кстати, у тебя какой?

– Полторашка, – со вздохом ответила Марина.

– Ну и нормально, – весело сказала Люда. – Мужики любят, когда грудь умещается в ладони. У меня вон единичка, но еще ни один не жаловался. Тэк-с... Насчет Ботвинника я выяснила. А Жан Габен кто такой?

– Актер.

– Красивый?

– Маленький, толстый, седой и страшный.

Люда посмотрела на подружку с сомнением:

– Что, серьезно?

– Угу. Но зато у него есть харизма, а для мужиков это главное.

– Сколько сантиметров?

Марина прыснула.

– Да ну тебя!

– Напиши ему – меньше пятнадцати не предлагать!

– В диаметре?

Девушки снова расхохотались. На этот раз Люде пришлось промокнуть глаза уголком носового платка.

– У меня с тобой вся тушь потечет, – пожаловалась она. – Кстати, мне больше всего понравилось начало письма. «Дорогие девушки!» Самонадеянный мужик. Как будто ко всем девушкам земного шара обращается!

– Не ко всем, а к «дорогим», – скаламбурила Марина.

– А мы с тобой какие – «дорогие»?

– Ему не по карману, это точно!

Подруги снова засмеялись.

– Кто там у тебя еще? – поинтересовалась Люда. – Случайно, нет мужика с мозгами Путина, лицом Касьянова и миллиардами Абрамовича?

– Увы. Сплошные «Жан Габены».

– И все с харизмой? – поинтересовалась Люда и едва сдержалась, чтобы снова не рассмеяться.

– А вот есть один! – сказала вдруг Марина, щурясь на экран. – Слушай. «Сильный, страстный, харизматичный. Размер харизмы назову при встрече. Недоверчивым – предьявлю. Неудовлетворенным – предьявлю вторично. Зовут – Павел Козлов».

Люда поморщилась.

– Ну, это полный придурок.

– И не говори. И фамилия соответствующая. Верни наверх! Хочу еще раз прочесть анкету Родиона.

– Пожалуйста.

Люда крутанула колесико «мышки».

Марина, близоруко сощурив голубые глаза, еще раз прочла анкету.

– А что – мне нравится, – резюмировала она. – Парень с чувством юмора и вроде не пошляк, а это главное.

– Напишешь ему? – поинтересовалась Люда.

– А можно?

– Ну, ты совсем темная. Конечно! У тебя есть электронный адрес?

Марина покачала головой:

– Нет. Никогда ничего не понимала в этих штуках.

– Главное, чтобы в других «штуках» разбиралась, – состригла Люда. – Ладно, адрес мы тебе сейчас сделаем. Это минутное дело.

Люда бодро защелкала по клавишам компьютера, и вскоре адрес был готов.

– Ну вот, – сказала она. – Можешь написать ему письмо.

– Давай ты сама, – предложила Марина. – Я с компьютером на «вы». Пока настучу текст, два часа пройдет.

– Ох, подруга, эксплуатируешь ты меня.

– А ты мне предьяви счет.

– Обязательно предьявлю. Ты передо мной в неоплатном долгу. Ладно, давай состряпаем письмецо. – Людины пальцы снова зависли над клавиатурой. Она повернулась к Марине и вопросительно на нее посмотрела: – С чего начнем?

– Ну... напиши... Здравствуй, далекий, незнакомый друг.

– Далекый... незнакомый... – Пальцы Люды забегали по клавишам.

– Пишет тебе высокая блондинка с интеллектом Софьи Ковалевской и внешностью Шарлиз Терон...

Люда насмешливо вскинула черную бровь:

– Думаешь, этот валенок знает, кто такая Шарлиз Терон?

– Если не знает, наведет справки. Не отвлекайся. Пиши дальше. Я прочла твое письмо и поняла – ты тот, кого я ждала долгих двадцать пять лет.

– Тебе же тридцать один, – напомнила Люда.

Марина пожала плечами:

– Ну, значит, я жду его с шести лет. Пиши... В поэзии мой Бог – Тютчев.

– Ты не перебарщиваешь?

– Ничего, сойдет. Ты давай пиши. Друг мой, с тех пор, как я прочла твое объявление, я каждый вечер засыпаю в своей постели с томиков Тютчева в руках и с мыслями о тебе. Ты мне снишься каждую ночь. Фигура семафора, плечи коромыслом – это мой идеал мужчины. Если мое письмо заинтересовало тебя – ответь мне. Буду ждать ответа, как соловей лета. Написала?

– Угу, почти, – кивнула Люда, бегая пальцами по клавиатуре.

– А в конце прибавь постскрипtum...

– Пэ-эс... Готово. Что написать?

– Напиши: «Кстати, зовут меня Марина. А что касается груди – она наличествует и входит в комплектацию».

Люда фыркнула.

– Прямо инструкция по применению!

– Припиши еще один постскрипtum. М-м... – Марина задумчиво сдвинула брови, взгляд у нее при этом был лукавый. – Напиши так: «Люблю бриллианты в любом виде, но особенно красиво они смотрятся на моей шее».

– Вот это молодец! – похвалила Люда. – Пусть знает, с кем имеет дело... Все, готово.

Можно отправлять?

Марина кивнула:

– Давай!

Люда щелкнула мышкой по кнопке «отправить» и торжественно произнесла:

– Готово! Теперь жди ответа.

– Думаешь, клюнет?

– Если не дурак, то да. А если не клюнет, значит, он дурак и на фиг тебе не нужен.

Логично?

– Вполне.

Люда откинулась на спинку кресла, помассировала пальцы и насмешливо произнесла:

– Теперь ты просто обязана угостить меня чашечкой крепкого кофе и рюмкой «хен-неси-икс-о». Как знать – возможно, я только что устроила твою судьбу.

3

«Здравствуйте, Марина!

Спасибо за письмо. Оно обеспечило мне полторы минуты здорового смеха, что, как известно, продлевает жизнь на три секунды. Так вот, этими тремя секундами жизни я обязан вам! То, что вы любите Тютчева, – замечательно. А Шарлиз Терон – вообще моя любимая актриса. Хотелось бы сказать, что Софья Ковалевская – мой любимый математик, но, увы, я не силен в математике. Во всем остальном мы с вами сходимся на сто процентов.

P.S. Имя Марина бесподобно. То же касается и наличия груди. Не люблю, когда в комплекте чего-либо не хватает.

P.P.S. Уверен, что бриллианты отлично смотрятся на вашей шейке. Возможно, у вас будет шанс продемонстрировать мне это, а у меня – оценить, так ли это на самом деле.

Искренне Ваш

Родион (Не Раскольников;)»

– Ну как тебе? – повернулась Марина к подруге.

Люда улыбнулась.

– Ничего. По крайней мере, не дурак. И приписка про бриллианты мне понравилась. Правда, она какая-то двусмысленная. То ли он обещает тебе их подарить. А то ли хочет полюбоваться на твои «исконные» брюлики.

– Двусмысленность говорит о том, что «котелок» у него варит хорошо, – заметила Марина. – Тупые люди всегда однозначны.

– Ого! – Люда взглянула на подругу с удивлением. – Тебе бы афоризмы для учебников психологии сочинять.

Марина слегка смутилась.

– Да брось ты. Лучше давай писать ответ.

– Отве-ет? – протянула Люда. – Ты что, решила вступить с ним в переписку? Я думала это у тебя просто так – шутка дня.

– Я тоже так думала. А теперь мне интересно. Давай, пиши... Родион...

– Подожди, не части... Так, теперь диктуй.

– Родион, – повторила Марина, – ваше письмо внушило мне уверенность в том, что вы не дурак и не зануда. Думаю, при встрече «у вас будет шанс продемонстрировать мне это, а у меня – оценить, так ли это на самом деле».

Люда тряхнула темной челкой и хихикнула.

– Здорово ты его... Это все?

Марина покачала головой:

– Нет. Напиши ему мой телефон.

Люда удивленно посмотрела на Марину.

– Ты что, подруга, сдурела? Пусть он сам тебе оставляет. А вдруг это какой-нибудь маньяк? Начнет терроризировать тебя звонками, выяснит по номеру, как тебя зовут. Проблем не оберешься!

– Не нагнетай, – возразила Марина. – Я могу за себя постоять. Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, я хотела приключение, и я его получу.

– Знаю я таких искательниц приключений... – Люда вздохнула. – Надеюсь, этот тип не задушит тебя подушкой в первую же ночь и не подсыпет тебе в «Маргариту» клофелина. Впрочем, если он так сделает, я ему буду только благодарна.

– Это почему же?

– На земле будет меньше одной дурочкой, позорящей женский род.

* * *

Через десять минут после того, как Люда отправила письмо, у Марины в сумочке запиликал телефон.

– Незнакомый номер, – заговорщицки прошептала Марина подруге, глядя на дисплей телефона. Она включила громкую связь, приложила трубку к уху и деловито произнесла:

– Я вас слушаю.

– Добрый день! – поприветствовал ее мужской голос. – Могу я поговорить с Мариной?

– А кто ее спрашивает?

– Ее заочный друг по имени Родион.

– Тот, который «не Раскольников»?

– Именно так. Марина, если это вы, то у вас очень красивый голос.

Марина подмигнула Люде и сказала нарочито хриплым, «эротичным», голосом:

– Мужчина, вы дозвонились в службу «Секс по телефону». Если хотите поговорить, вы должны оплатить разговор. Знаете нашу таксу?

– Вообще-то я...

– Сорок рублей минута. Вы готовы заплатить?

– Вполне.

– Сколько времени будете заказывать?

– Если повезет – всю жизнь.

Марина перевела дух и посмотрела на Люду. Та сделала круглые глаза и покачала головой, как бы говоря – «вот это да!» Марина улыбнулась и проговорила в трубку, на этот раз без тени насмешки:

– Родион, это Марина. Простите, что я вас разыграла.

– Ничего. Мне даже понравилось. Марина, мы можем с вами встретиться?

– Когда?

– Сегодня. Через час, максимум – через два. Потом мне нужно будет уехать на пару дней в командировку. Не хочу откладывать наше знакомство в долгий ящик.

– К чему такая спешка?

– Не терпится увидеть «полную комплектацию» и посмотреть, как смотрятся бриллианты на вашей шее, – шутливо ответил Родион. – Причина уважительная?

– Вполне. Что ж... думаю, мы можем сегодня встретиться.

Люда вновь вытаращила глаза и покрутила пальцем у виска. Однако Марина от нее отмахнулась.

– В таком случае, – бодро проговорил Родион, – позвольте пригласить вас в ресторан. Вы любите морскую кухню?

– Кушать люблю, а так нет, – пошутила Марина.

– Значит, устрицы и лобстеры не вызывают у вас антипатии?

– Что вы, Родион, они мне глубоко симпатичны.

– Тогда я закажу столик в «Морском черте». Это на проспекте Мира, недалеко от Рижской...

– Спасибо, я найду.

– В девять часов вас устроит?

Марину это устроило. На том и распрощались.

– Ты, в самом деле, туда пойдешь? – спросила Люда, когда Марина убрала телефон в сумку.

– А что?

– Ничего. Он может оказаться кем угодно. Какой-то «Морской черт»... Ты хоть слышала что-нибудь об этом ресторанчике?

Марина пожала плечами:

– Обычная забегаловка средней руки. Кофе там отвратительный, но надеюсь, что креветки они варить умеют.

– Но... – начала было Люда, но Марина предостерегающе подняла руку.

– Без возражений. Я все равно пойду. Умираю от любопытства.

Люда вздохнула.

– Как хочешь, подруга. Вижу, что спорить с тобой бесполезно. У меня к тебе одна только просьба.

– Какая?

– Запомни номер его машины и позвони мне из туалета. Мало ли что – а тут хоть номер буду знать.

– Ну ты даешь, – усмехнулась Марина. – Ты мне еще радиомаяк к бюстгальтеру прилепи.

– Был бы – прилепила бы.

– Вот так?

– Вот так, – кивнула Люда и, насупившись, демонстративно отвернулась от строптивой и неразумной подруги.

4

Войдя в зал ресторана, Марина остановилась и огляделась. «Интересно, смогу я его вычислить или нет?» – подумала она. Марина специально не стала спрашивать, за каким столиком он сидит. И настояла, чтобы он не окликал ее и не махал руками.

– Я вас узнаю сама, – сказала она Родиону по телефону.

– А если не узнаете? – спросил он.

– Значит, не судьба. Я доверяюсь своей интуиция.

И вот теперь она стояла у входа, оглядывала зал, а интуиция молчала, словно воды в рот набрала. Ни намека, ни искорки, ни сердцебиения.

«Неужто придется уйти», – с досадой подумала Марина. Уходить, не познакомившись с Родионом, не хотелось. Слишком уж любопытно было на него посмотреть. Но ведь принцип есть принцип.

И вдруг Марина его увидела. Он сидел за столиком у окна и просматривал газету. Он был строен, чисто выбрит, темноволос и очень недурен собой. Судя по всему, и роста в нем было не меньше метра восьмидесяти. Марина вдруг как-то сразу и твердо поверила в то, что этот мужчина – Родион. Несмотря на то, что в зале ресторана сидел еще, как минимум, десяток мужчин разной масти и разного возраста.

Марина улыбнулась, поправила рукой прическу и двинулась к столику, гоня по кругу только одну мысль: «Только бы это был он, только бы это был он».

– Родион? – окликнула мужчину Марина, останавливаясь возле столика.

Брюнет оторвал взгляд от газеты и недоуменно посмотрел на Марину.

– Что? – строго спросил он.

Марина почувствовала досаду. Надо же так ошибиться. Ах, как жаль. А такой красавчик.

– Простите, я ошиблась, – понуро сказала она и повернулась, чтобы уйти.

– Марина, – тихо окликнул ее мужчина.

Она обернулась. Брюнет поднялся на ноги.

– Простите за розыгрыш, не смог удержаться! – виновато-веселым голосом сказал он. – Присаживайтесь!

Он вежливо пододвинул ей стул. Марина в нерешительности посмотрела на стул. В ее душе боролись два желания – обидеться и уйти, либо оценить «шутку», улыбнуться и сесть за стол.

– Пожалуйста, не обижайтесь, – проговорил брюнет, словно угадав ее мысли. Он легонько коснулся пальцами ее предплечья. – Я не всегда веду себя как веселый идиот. Иногда я бываю жутко занудлив и рассудителен.

– Часто? – поинтересовалась Марина.

– К счастью, нет. Только по понедельникам.

– Ну что ж... Тогда я вас, пожалуй, прошу, – сказала Марина и, сменив, наконец, гнев на милость, села за стол.

Положив сумочку на соседний стул, она внимательно посмотрела на брюнета и спросила:

– А вы точно Родион?

– Только если вы – Марина, – весло ответил он.

– Прочитайте мне ваше письмо, – потребовала Марина.

– Ну... – Брюнет усмехнулся. – В точности я уже не помню. Кажется, я писал, что я сутулый блондин с рыжей бородой и кольцом в ухе. И что ишу толстую, беременную брюнетку с кривыми ногами. Так?

Марина улыбнулась.

– Примерно, – сказала она, а про себя подумала: «А он забавный». – Только вот боюсь, что с ногами у меня все в порядке.

– Ничего страшного. Я готов закрыть на это глаза. – Он пристально посмотрел на Марину и тихо проговорил: – Марина... Какое красивое имя. Если не ошибаюсь, оно означает «морская»?

– Родион тоже ничего имечко, – сказала Марина, тоже, в свою очередь, разглядывая интересного брюнета. Он ей нравился все больше. Открытое, загорелое лицо. Белоснежные зубы. Широкие плечи. Сильные руки с красивыми пальцами.

«Интересно, что же с ним не так? – подумала Марина. – Почему такой красавец вынужден знакомиться с женщинами через Интернет?» – И вдруг ее объял ужас. – «А может быть, он импотент? Только этого мне не хватало. Утешать мужчину в постели – это не для моих нервов!»

К столику подошел официант.

– Вы готовы заказать? – вежливо поинтересовался он.

– М-м... – Марина вопросительно посмотрела на Родиона. – Посоветуете что-нибудь, чтобы я не копалась в меню?

– Я не знаю ваших вкусов, – резонно заметил Родион.

– Да, в самом деле. – Марина повернулась к официанту: – У вас есть жареные креветки?

– Конечно, – с легким оттенком обиды в голосе ответил официант. – У нас ведь ресторан морской кухни.

– Хорошо. Дайте мне две порции. Только поменьше чеснока и побольше специй.

Официант кивнул.

– Что-нибудь из спиртного? – осведомился он.

– Мне белого вина. А вам? – спросила она у Родиона.

Родион улыбнулся.

– Мне все то же самое. Только три порции и без чеснока.

Официант кивнул и удалился.

– Любите креветки? – поинтересовалась Марина у Родиона.

– Вареные да, а жареные никогда не пробовал.

– Тогда зачем взяли три порции. Вдруг не понравятся?

– У такой утонченной девушки, как вы, должен быть утонченный вкус. И потом, съев ваше любимое блюдо, я лучше вас пойму.

– Какая-то людоедская у вас философия, – заметила Марина, доставая из сумочки сигареты и с любопытством поглядывая на Родиона. – Что-то вроде «хочешь быть храбрым, как твой враг, съешь его сердце».

– Почему бы и нет? – пожал плечами Родион. – Дикари намного умнее цивилизованных людей. Им приходится выживать в трудных условиях. И глупость тут чревата гибелью.

Марина закурила. Помахала рукой перед лицом, отгоняя дым.

– А вы не курите?

Родион покачал головой:

– Нет. А вас это шокирует?

– Да нет. Сейчас многие мужчины берегут здоровье.

– Здоровьем меня Бог не обидел, – сказал Родион. – А не курю я просто потому, что в юности не приобрел такой привычки, а сейчас вроде уже поздно. Да и глупо.

«Значит, со здоровьем у него все в порядке, – подумала Марина, прищуриваясь. – Что же все-таки с ним не так? Можем, он псих? Сейчас выпьет вина и трахнет меня бокалом по темечку».

– Послушайте, Родион, а вы случайно...

– Что?

– Как у вас с психическим здоровьем?

– Не сумасшедший ли я? Правильный вопрос. И очень своевременный. Вижу, вы привыкли с ходу брать быка за рога. Так вот, со всей ответственностью заявляю вам, что бык здоров – как физически, так и психически. Помните, что я писал в анкете? «Морально и психически устойчив».

– И я должна вам верить? – насмешливо прищурилась Марина.

– А у вас нет другого выхода, – улыбнулся Родион. – О! Кажется, нам несут наш ужин!

Спустя полчаса в ресторане заиграла «живая музыка», и Родион пригласил Марину на танец. Танцевал он немного неуклюже, но зато был тактичен и деликатен – рукам волю не давал. Пахло от него, конечно, недорогим, но не таким уж противным парфюмом. «Средний уровень», – подумала Марина, вдохнув аромат парфюма Родиона и посмотрев на его туфли. – Но не безвкусно. Совсем не безвкусно».

– О чем вы задумались? – спросил Родион.

– Так, ни о чем.

– Вы как-то странно посмотрели на мои туфли. Они недостаточно ярко блестят? Между прочим, я чистил их целый час. Хотел произвести на вас впечатление.

– Это вам удалось, – с кокетливой улыбкой сказала Марина.

– Значит, я вам понравился?

– В целом вы ничего, – уклончиво ответила Марина. – А как вам я?

– Вы просто красавица.

– Я должна открыть вам страшную тайну, – насмешливо зашептала Марина. – Моя грудь не дотягивает не то что до седьмого, но даже до третьего размера.

– Я это заметил. – В полумраке ресторана блеснула полоска белоснежных зубов Родиона. – Но хорошо, что вы признались сами. Не хорошо начинать знакомство с вранья.

– Видите, какая я честная. А теперь вы.

– Что – я? – не понял Родион.

– Теперь признайтесь вы.

– Признаться? Но я никогда не говорил, что у меня грудь седьмого размера.

Марина фыркнула.

– Причем тут грудь! Признайтесь – что с вами не так? Почему вы знакомитесь через Интернет?

– А вы?

– Я первая спросила.

– Гм... – Родион нахмурился. – Я знакомлюсь не только через Интернет. Это всего лишь один из способов, не лучше и не хуже прочих.

– Один из способов чего?

– Один из способов найти хорошего человека, – серьезно ответил Родион. – Никогда ведь не знаешь, где встретишь свою судьбу.

– А вы так верите в судьбу?

– Конечно. Вы же здесь. А значит, все было не зря.

– Но я...

Договорить Марина не успела. Родион нагнулся и нежно поцеловал ее в губы.

5

Люда глядела на подругу изумленно.

– И даже не поволок тебя в постель? – не веря собственным ушам, переспросила она.

– Не поволок, – с улыбкой ответила Марина.

– Чем же вы занимались?

– У нас было романтическое свидание. Мы поужинали, потанцевали, потом погуляли по городу.

– И он даже не делал попыток к тебе приставать? – не переставала удивляться Люда.

Марина покачала головой:

– Нет. Только поцеловались два раза. Прямо как подростки на первом свидании.

Люда покачала головой:

– Да-а... Случаются на свете чудеса. Слушай, а может, он импотент?

– Нет. С этим делом у него все в порядке.

– Откуда ты знаешь? Прищурилась на подругу Люда.

– Мы танцевали, – улыбаясь, пояснила Марина. – И я почувствовала, что у него... в общем, что у него все в порядке.

– Вау! – воскликнула Люда, и глаза у нее блеснули. – Почувствовала во время танца? А он горячий парень! Хотела бы я с ним познакомиться.

– Он бы тебе не понравился, – сказала Марина.

– Почему это?

– Слишком интеллигентный.

– Здрасьте, приехали! По-твоему, мне нравятся одни хамы? Ну, спасибо тебе, подруга. Не думала, что ты обо мне такого мнения.

Люда обиженно поджала губы. Марина почувствовала себя виноватой.

– Ладно, подруга, не обижайся, – примирительно сказала она. – Просто он не в твоём вкусе. Хотя я могу и ошибаться.

Люда вздохнула:

– Да нет, ты права. Он бы мне, и в самом деле, не понравился. Если мужик на первом же свидании не пытается залезть мне под юбку, я ставлю на нем крест. Слушай, а может, я нимфоманка? – встревоженно спросила Люда.

– А разве нет? – насмешливо сказала Марина.

Подруги рассмеялись, и мир, таким образом, был восстановлен.

– Ну? – спросила Люда, отсмеявшись. – И что ты теперь намерена делать?

– В каком смысле?

– Будешь продолжать отношения или нет?

Марина хотела ответить, но неожиданно задумалась. Люда смотрела на нее выжидающе. Честно говоря, она немного завидовала подруге. Самой Люде пару недель назад стукнуло тридцать два года. Она два раза была замужем, и оба раза неудачно. Первый муж оказался тихим алкоголиком, второй – таким же тихим бабником. Но если первого мужа Люда уличила на третий месяц брака, то второго удалось разоблачить лишь после полутора лет совместной жизни. Все эти полтора года он изменял Люде с двумя ее лучшими подругами. Удар был настолько сильным, что Люда не могла после него оправиться до сих пор. До сих пор она с подозрением относилась ко всякому субъекту мужского пола, пусть даже с виду он выглядел как вполне приличный человек.

Не далее как на прошлой неделе Люда тоже познакомилась с мужчиной. Виктору было всего двадцать восемь. Он был бизнесменом весьма средней, если не сказать хуже, руки (дер-

жал несколько магазинчиков на ВВЦ), отличался богатырским здоровьем и с первых минут знакомства стал говорить Люде «малышка».

Люда легла с ним в постель в первый же день знакомства. А почему бы нет? Он был весел, щедр, холост и притом далеко не урод. Роман продолжался несколько дней, после чего выяснилось, что Виктор женат, беден как церковная мышь, болен гонореей и к тому же – совсем не Виктор, а Степан. Степан был игрок, в ресторане он с Людой гулял на последние гроши, оставшиеся после продажи квартиры.

К счастью, Люда не заразилась неприличной болезнью (Бог миловал), но в душе все равно осталась незаживающая рана. Ну, и как после этого верить мужикам? Нет, верить им решительно невозможно.

И все-таки Люда немного завидовала Марине. По ее рассказу получалось, что Родион – очень даже недурная партия. Хоть для постели, хоть для загса. Однако Люда не одобряла легкомыслия подруги. Для начала нужно было нанять хорошего частного детектива и разузнать об этом Родионе как можно больше. Слишком уж положительным он получался. Вдруг он, и в самом деле, маньяк? Чем черт не шутит!

– А вдруг он маньяк? – сказала Люда вслух.

Марина фыркнула.

– Да никакой он не маньяк! Что я, нормального мужика от извращенца не отличу?

– Маньяки все обаятельные, – возразила Люда. – Потому к ним бабы и липнут.

– Это Чикатило-то обаятельный? – усмехнулась Марина.

Люда поняла, что сморозила глупость, но сдаваться не собиралась.

– Все равно, – упрямо проговорила она. – Слушай, а давай наведем о нем справки? У меня есть один знакомый... бывший друг. Так у него детективное агентство. Может, озадачим его? Думаю, он не откажется – по старой памяти. Через два дня будем знать о твоём Родионе всю «подноготную».

– Не надо мне никакой «подноготной». Не хочу ничего про него знать. Чем он загадочней, тем интереснее.

Люда пристально посмотрела на подругу, потом вздохнула и осуждающе проговорила:

– Не понимаю, как можно быть такой легкомысленной? Имей в виду: если что, я на твоё опознание в морге не поеду. С детства боюсь покойников.

– Типун тебе на язык, – поморщилась Марина. – Что ты несешь?

– Извини, – виновато проговорила Люда. – Что-то я, в самом деле, зарпортовалась. Слушай, а может, он и в самом деле хороший мужик? Должен же на свете быть хоть один приличный парень?

– И я тебе о том же, – кивнула Марина.

– Хорошо, если так. Но если ты ошибаешься...

– Опять завела старую песню! В любом случае, пока не попробую – не узнаю.

Люда вздохнула.

– И то верно. Извини, что я тебя задержала. Больше не полезу.

6

Вторая встреча оказалась еще прекраснее первой. На этот раз Родион не повел Марину в ресторан. Он повел ее... в зоопарк! Марина не была здесь с детства, и ее здорово поразили перемены, произошедшие с зоопарком за последние лет пятнадцать.

Сначала они долги любовались на розовых фламинго, затем прошли к медведю, и Марина хотела покормить его сладкой ватой, но Родион вовремя ее остановил. Рассказ о жертвах медведя-людоеда поверг Марину в ужас. Она, на всякий случай, отошла от клетки с хищником подальше.

К вольеру с тигром Марина приблизилась с большой опаской, для начала выяснив, сколько человеческих жертв на счету у полосатой кошки.

– Не знаю, сколько их было в неволе, – смеясь, ответил Родион, – но здесь тигры еще никого не трогали.

– Почему?

– Видимо, потому, что никому еще не приходило в голову перелезть через ров с водой и кормить их сладкой ватой.

– Хотите, чтобы я была первой? – насмешливо наморщив нос, поинтересовалась Марина.

– Ни за что! Мне бы не хотелось терять сладкую вату, ведь она куплена за мой счет!

Марина засмеялась. Поглазела на сонного тигра и спросила – прямо как в детстве у отца:

– А кто сильнее – тигр или лев?

– Смотря какой тигр, и смотря какой лев, – ответил Родион.

– Средний лев и средний тигр.

– Ну тогда... пожалуй, тигр.

– Почему? – с любопытством поинтересовалась Марина.

– Средний лев весит сто пятьдесят килограммов. А средний тигр – сто восемьдесят. Тридцать килограмм – это большое преимущество.

– А если тигр просто толстый, а лев – сухопарый, но мускулистый? – не унималась Марина. – Может тогда лев победить тигра?

Родион подумал и ответил:

– Безусловно.

– Я так и знала, – самодовольно сказала Марина, уплетая сладкую вату и чувствуя себя так, словно она снова попала в детство.

Родион, едва скрывая улыбку, покосился на нее и спросил:

– Простите, Марина, а кем вы работаете?

– По образованию я экономист, – ответила Марина.

– Вы не правильно выбрали профессию.

– Правда? По-вашему, что мне нужно было стать зоологом?

Родион покачал головой:

– Нет. Вам нужно было стать психологом и работать на детекторе лжи. Тогда бы вы с утра до вечера задавали людям вопросы.

– «Глупые вопросы» – так вы хотели сказать?

Родион насмешливо пожал плечами. Марина нахмурилась.

– Если будете издеваться, я брошу вас в клетку к тигру, – пригрозила она. – И он сделает из вас отбивную.

– Маловероятно, – сказал Родион. – Для отбивной я слишком костляв.

– Тогда шашлык на косточке.

– Вот это уже ближе к правде, – сказал Родион.

Они переглянулись и рассмеялись.

«Как же с ним хорошо! – подумала Марина. – Хорошо и легко. Как будто я, в самом деле, выбралась в зоопарк с отцом».

После зоопарка они долго бродили по городу. И это тоже было Марине в новинку. Она давным-давно не бродила по улицам Москвы пешком. Она вообще забыла, что значит быть простым пешеходом. Не стоять в пробках, изнывая от скуки, нетерпения и ярости. Не видеть, как водители подрезанных тобой «жигулят» крутят тебе вслед пальцем у виска.

Оказалось, что быть пешеходом здорово. В городе было полно тихих улочек, и что самое странное – все они находились недалеко от центра. Патриарший пруд привел Марину в щенячий восторг. Она с удовольствием кидала кусочки хлеба двум белым лебедям и заглядывала в бидоны к рыбакам.

Родион поглядывал на нее с удивлением.

– Вы как будто с другой планеты сюда прилетели, – заметил он.

Марина кивнула:

– Так и есть! Я всегда думала, что знаю Москву, как свои пять пальцев, а оказалось, что я ее совсем не знаю. Гоголевский бульвар, Патриаршие пруды, переулки рядом со Старым Арбатом – это так чудесно!

– Гм... – удивленно проговорил Родион. – В самом деле, чудесно. А знаете, что в этом городе самое чудесное?

Марина покачала головой:

– Нет. А что?

– Вы, – с улыбкой сказал Родион. – Без вас для меня больше нет этого города. Вернее сказать – после встречи с вами Москва стала для меня другим городом. Теперь, где бы я ни был, я буду знать, что на одной из улиц столицы – вы.

– Вы говорите, как поэт, – засмеялась Марина. – У вас, наверное, большая библиотека дома?

– Не маленькая. Кстати, хотите взглянуть?

Марина пристально на него посмотрела.

– Вы что, приглашаете меня к себе домой? – спросила она, прищурившись.

– Приглашаю, – кивнул Родион. – У меня холодильник забит пиццей. Мы славно поужинаем.

– Я не ем пиццу.

– Правда? Вы первый человек в моей жизни, который не любит пиццу. А как насчет сочных ломтиков копченого мяса, оливок и бутылки красного вина?

Марина улыбнулась.

– Звучит аппетитно. А вы далеко живете?

– Да нет, не очень. В Марьиной Роще. У нас там хорошо, тихо. Вам понравится. Правда, из-за нашей пешеходной прогулки я сегодня не на колесах. Но это не страшно, тут легко поймать попутку. Так как, поехали?

Марина немного помедлила, подумала, прикинула и кивнула:

– Давайте.

* * *

Ужинали они уже в спальне. Марина сидела в постели, закутавшись в простыню, с бокалом красного вина в руке. Родион расположился рядом. Он был отлично сложен и почти не волосат – как раз во вкусе Марины.

Последние полтора часа здорово их измотали. Родион оказался хорошим любовником, а Марина всегда была жадной до мужских ласк. Все эти полтора часа они почти не размыкали объятий и отвлекались от ласк только тогда, когда Марине нужно было перекурить.

– А ты хорош, – с улыбкой сказала Марина, глядя на сильное смуглое плечо Родиона. – Я даже не ожидала.

– Это все потому, что я не курю, – пошутил он. – У меня крепкие легкие, и я никогда не устаю.

– У тебя не только легкие крепкие, – заметила Марина и отхлебнула вина.

– Правда? – Родион пожал плечами и насмешливо добавил: – Спасибо за комплимент. Но если ты думаешь, что мы закончили, ты очень сильно ошибаешься.

– Ты еще можешь? – удивленно спросила Марина, отрываясь от бокала.

– Но ведь ночь только началась!

– Ты со всеми женщинами такой? Или это я так на тебя действую?

Родион наклонился к Марине и поцеловал ее в ключицу. Потом провел губами по шее, легонько коснулся мочки уха и прошептал:

– С другими я простой похотливый щен, а с тобой я просто дьявол.

Марина улыбнулась и поежилась.

– Щекотно. Слушай, а у тебя телек здесь работает?

– Зачем тебе телек?

– Люблю поваляться в постели и посмотреть кино.

– Правда? Я тоже обожаю валяться в постели и глазеть на экран телевизора. Это мое любимое занятие. После секса и поэзии, конечно.

Он снова поцеловал ее в ключицу, взял с тумбочки пульт и включил телевизор. На экране замелькали какие-то яркие, бессмысленные картинки, сопровождающиеся ни к чему не обязывающей музыкой.

– Ну вот, сразу нарвались на рекламу, – недовольно проговорил Родион.

– Это не реклама, это видеоклипы.

– Правда? – Родион почесал затылок. – А разве это не одно и то же?

– Темный ты, дикий ты человек! – со смехом сказала Марина.

– Сегодня днем ты то же самое говорила о себе, – напомнил Родион. – Помнишь, когда я водил тебя по московским бульварам, а ты удивлялась каждому дереву и голубю так, будто первый раз в жизни их увидела.

– Это другое, – возразила Марина. – Не все ходят по Москве пешком, но все смотрят телевизор.

– Вовсе нет. Я, например, включаю его только по утрам. Пока пью кофе.

– Тогда почему у тебя телевизор в спальне? – подозрительно спросила Марина. – Ты пьешь кофе в спальне?

– Я пью кофе везде, – ответил Родион. – Кроме ванны и туалета. Ты ведь там уже была и видела – никаких телевизоров там нет.

– С этим не поспоришь, – улыбнулась Марина. – Уж что-что, а болтать ты умеешь, черт языкатый.

– Это мое главное оружие в борьбе с неприятностями! – весело сказал Родион и полез к Марине целоваться.

Марина со смехом увернулась.

– Подожди, – сказала она. – Я хочу еще вина. Налей мне!

– Девушка, вы испытываете мое терпение, – насмешливо сказал Родион, но послушно потянулся за бутылкой.

Марина взяла пульт и стала прыгать по каналам. На одном из них она задержалась. Показывали криминальные новости. Моложавый ведущий сосредоточенно бубнил:

– Уже полтора года оперативники тщетно пытаются выследить маньяка, орудующего в Москве. Маньяк меняет места преступлений и умело запутывает следы. Но почерк преступле-

ний остается постоянным. Он заманивает жертву домой, убивает ее и уродует ей лицо, затем расчленяет тело и развозит его по мусорным бакам. Последней жертвой маньяка стала двадцатипятилетняя женщина из Люблино. Маньяк разделался с ней всего две недели назад. Известно, что маньяк выбирает свои жертвы среди обеспеченных, красивых, одиноких женщин. Чаще всего это, так называемые, бизнес-леди. Хотя не брезгует он и элитными проститутками.

Мы обратились за комментариями в пресс-службу МУРа.

На экране появилась молодая девушка в деловом костюме.

– Анна, – обратился к ней корреспондент, – откуда такая уверенность, что в городе действует один маньяк, а не два или три? Ведь все тела найдены в разных местах города. А маньяки предпочитают охотиться в одном районе.

– Наши аналитики пришли к выводу, что это один человек, – ответила девушка в деловом костюме. – Мы имеем дело не просто с маньяком. Этот человек очень умен, хладнокровен и коварен. И, судя по всему, он очень обаятелен, так как все женщины сами приходили к нему домой. Конечно, все это лишь наши предположения, но мы провели большую работу, прежде чем сделать такие выводы.

– У вас уже есть подозреваемые?

– Подозреваемые есть, и мы с ними работаем. Но опасность еще остается. Я хочу обратиться ко всем женщинам, которые меня сейчас видят. Если вы познакомились с мужчиной, прежде всего обратите внимания на его...

Родион выключил у телевизора звук и протянул Марине бокал.

– Может, ты оторвешься от телевизора и пообщаешься со мной? – с напускной обидой произнес он. – Я уже пять минут пытаюсь привлечь твоё внимание.

– Подожди. Дай я дослушаю!

Марина потянулась за пультом, но Родион отвел руку.

– Перестань дурачиться! – сердито воскликнула Марина. – Включи звук!

– А что мне за это будет? – игриво поинтересовался Родион.

– Все, что захочешь, но включи звук!

– Будет исполнено, моя госпожа. – Родион нажал на кнопку пульта, и телевизор снова забормотал.

– А теперь к другими криминальным новостям. Банда сатанистов, устраивающая шабаши на кладбищах...

– Ну, вот, – с досадой проговорила Марина. – Из-за тебя все прослушала. Теперь встречусь с маньяком и даже его не узнаю.

– Не бойся, милая. Я не подпущу к тебе маньяка. А если он все-таки приблизится, хорошенько надаю ему по шее.

Марина посмотрела на Родиона, подозрительно прищурив глаза.

– А что, если маньяк – это ты? – спросила она вдруг. – Ты обаятелен, и я сама к тебе пришла. Ты очень сильный и у тебя есть машина.

– А еще у меня есть огромный нож, – поддакнул Родион. – В основном, я режу им хлеб, но если мне попадаются аппетитные пухленькие девушки, то...

– Фу! – поморщилась Марина. – Никакой ты не маньяк. Среди его жертв не было пухленьких девушек. Все жертвы стройные.

– Правда? У него хороший вкус. Прости за каламбур.

Марина снова поморщилась.

– Не говорит так. Мне не нравится.

– Прости, милая, – необычайно серьезно проговорил Родион и нежно поцеловал Марину в плечо. – Допивай вино и продолжим. Я сгораю от нетерпения.

– У тебя просто звериный темперамент!

– Конечно! Я ведь художник.

– Художник? Кажется, раньше ты говорил, что ты инженер-конструктор.

– С девяти утра до шести вечера я инженер, – подтвердил Родион. – А после этого – художник.

– Так это твое хобби?

– Нет, милая, это моя жизнь. Вот погоди, я еще напишу твой портрет. Ты будешь Венерой Московской!

– Звучит неплохо. Кстати, я допила вино... Только, пожалуйста, будь со мной нежнее.

7

Утро было солнечным и теплым. Марина вышла из душа, кутаясь в махровый халат Родиона. Он как раз разливал кофе по чашкам.

– А есть что-нибудь к кофе? – поинтересовалась Марина.

– Увы, кроме пиццы, ничего.

Марина поцеловала Родиона и жалобно проговорила:

– Я умираю с голоду. Давай зайдем куда-нибудь и перекусим.

– Хочешь, сходим в «Макдоналдс»?

Ресницы Марины дрогнули.

– А он еще работает? – восторженно спросила она. – И в нем до сих пор продают гамбургеры?

– Ты удивишься, но да.

– Так что же мы стоим? Пошли скорее!

В «Макдоналдсе» на Пушкинской царил обычная предвечерняя толчея. За кассами стояли девушки и парни и периодически вздергивали руки со словами: «Свободная касса!» За столами сидели почтенные семейства – мамы, папы, дети, пили кофе с чизбургерами командированные, жевали пирожки с вишневым джемом туристы, глотали литрами кока-колу подростки.

Пока Марина дожидалась Родиона, она с любопытством разглядывала всю эту публику. А Родион, стоя в маленькой очереди у кассы, все время поглядывал на нее. В его глазах застыло удивление, на губах играла смутная улыбка. Ему все больше нравилась эта девушка – странная, как инопланетянка, и непосредственная, как ребенок.

Наконец, Родион подошел к столику и поставил перед Мариной поднос с покупками.

– Гамбургер, – с придыханием проговорила Марина, вдыхая запах гамбургера. Затем схватила его двумя руками и откусила кусок. Прикрыла от наслаждения глаза и улыбнулась. – М-м... Вкус из юности. Боже, как я обожала гамбургеры!

– Что тебе мешает обожать его сейчас?

Марина посмотрела на него с укором.

– Ты с ума сошел! Они ведь жутко калорийные! Я уже не говорю о том, из какого мусора их делают.

– Но тебе нравится, – напомнил Родион.

– Ну и что? Знаешь, как сказала одна умная женщина? «Все, что мне нравится, либо вредно для здоровья, либо от этого полнеют».

– Точно подмечено! – засмеялся Родион.

Марина покачала пальцем на сверток:

– А это что?

– Пирожок.

– А вот это?

– Мороженое.

Марина посмотрела на яства с сожалением и вздохнула.

– Если я все это съем, я поправлюсь килограмм на пять. Или просто лопну от обжорства.

– Но перед этим ты вволю наешься, – сказал Родион. – Возможно, это того стоит!

– Ты прав. Один раз можно, – сказала Марина и в последующие десять минут лихо расправилась и с гамбургером, и с пирожком, и с мороженым.

– Марина, я отлучусь минут на десять, – сказал вдруг Родион. – Ты меня дождешься?

– А куда ж я денусь, – усмехнулась Марина. – Тем более что у меня еще есть молочный коктейль.

Родион поднялся из-за стола и быстрым шагом направился к выходу. Марина проследила за ним взглядом и удивленно хмыкнула. «Куда это он, интересно, направился? Явно не в туалет. Может, ему сделалось дурно от моего обжорства и он решил глотнуть свежего воздуха?»

Но у Марины еще был молочный коктейль, и она решила не забивать себе голову загадками. «Ровно через десять минут я отсюда уйду, – решила она. – Не успеет – сам виноват».

Однако Родион успел.

Он прошел через зал и сел за стол.

– Вижу, с молочным коктейлем уже покончено, – с улыбкой сказал Родион.

– Давно уже. Сижу тут только из-за тебя.

Родион как-то странно посмотрел на Марину, потом полез в карман, достал что-то и положил на стол. Это была небольшая коробочка, обтянутая красным бархатом.

Марина вопросительно посмотрела на Родиона. Он, словно спохватившись, взял коробочку, раскрыл ее и протянул Марине.

– Это тебе, – мягко проговорил он.

Марина опустила взгляд на коробочку и ресницы ее дрогнули.

– Но ведь это... кольцо?

– Угадала. Золото семьсот пятидесятой пробы, бриллиант – треть карата.

– Что-то я не понимаю.

– Что же тут непонятного? Я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

– У тебя тепловой удар? Или тебе ударила в голову кока-кола?

– Ничего мне никуда не ударило. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной.

– И давно ты это понял?

Родион кивнул:

– Да. Сегодня ночью. Когда ты спала, я смотрел на тебя и размышлял. Ты удивительно красива, когда спишь. А когда не спишь – еще красивее.

– Бред какой-то, – тихо проговорила Марина. – Мы знакомы всего несколько дней. Я даже фамилии твоей не знаю. И отчества, кстати, тоже.

– Борисович.

Марина усмехнулась.

– Очень приятно. Но это ничего не меняет. Ты хоть понимаешь, что поступаешь как сумасшедший?

– Почему? Я делаю предложение женщине, в которую влюблен и с которой хочу прожить свою жизнь. По-моему, все логично.

– А по-моему, все это бред! – рассердилась Марина.

Родион улыбнулся.

– Извини, я не успел объяснить. Я вовсе не настаиваю, чтобы ты дала ответ прямо сейчас. Ты можешь думать, сколько тебе заблагорассудится. По крайней мере, дня три-четыре точно. Но я не хочу, чтобы ты с ходу отказывалась. Возьми кольцо, походи с ним, представь себя в роли моей жены. Если тебе понравится – мы поженимся.

– А если нет?

– Тогда ты пойдешь по жизни своей дорогой, а я стану самым несчастным человеком на земле. Только и всего. Видишь – ничего страшного в этом нет. Итак, ты берешь кольцо?

– Нет!

– А если подумать?

Марина хмыкнула.

– Ну, хорошо. Если тебе так хочется, я поношу его пару дней. Но это ничего не изменит и ни к чему меня не обязывает, ты понял?

- Разумеется.
- И нечего так ухмыляться!

ГЛАВА ВТОРАЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

1

Александр Борисович толкнул тяжелую дверь и вошел в кабинет Плетнева.

– А вот и наш главный специалист, Александр Борисович Турецкий! – крутанулся в кресле Плетнев. – Входи, Александр Борисыч.

Турецкий пожал руку Плетневу, перевел взгляд на девушку, сидящую напротив него.

– Доброе утро, – поприветствовал он ее.

Девушка прищурила черные глаза и кивнула. В движении этом было больше вальяжности и высокомерия, чем приветливости.

– Это Людмила Шилова, – представил девушку Плетнев. – Я говорил тебе про нее по телефону.

– Да, я помню.

Турецкий уселся в кресло и сунул в рот сигарету. Потом вынул ее и вопросительно посмотрел на девушку.

– Не возражаете?

– Нисколько. Я сама курю.

Голос у Людмилы был хрипловатый, и такой же неприязненно-высокомерный, как и ее манеры.

– Людмила, расскажите, пожалуйста, Александру Борисовичу все, что рассказали мне.

– Что, с самого начала? – без всякого энтузиазма отозвалась девушка.

Плетнев кивнул:

– С самого начала.

Турецкий смотрел на Шилову внимательно, но словно бы вскользь и старался не встречаться с девушкой взглядом, чтобы не смущать ее. Впрочем, судя по всему, эту барышню трудно было чем-нибудь смутить.

Людмила была довольно привлекательна. Тонкое, бледное лицо, черные, коротко стриженные волосы с изящной челкой, падающей на глаза. Сами глаза, кстати говоря, тоже недурные – чуть раскосые, темные, выразительные. При этом в лице девушки было что-то порочное, распушенное, словно ей пришлось пройти через такие горнила похоти и страсти, которые Турецкому даже и не снились.

«По виду – стопроцентная московская б...» – подумал Турецкий, скептически щуря глаза. Он уже давно привык называть вещи своими именами, без «экивоков» и эвфемизмов.

– Мне обязательно это делать? – с вызовом поинтересовалась Людмила, неприязненно глядя на Александра Борисовича. Видимо, она сумела прочесть в его взгляде сухой скептицизм, привычно и холодно расставляющий все точки над «и», и поняла, какое определение дал ей про себя Турецкий.

– Обязательно, – сказал Плетнев. – И желательно со всеми деталями.

– Ладно, слушайте, – пожалала Людмила плечами. Она приступила к рассказу лениво, нехотя, но чем дальше продвигалась, тем эмоциональнее делался ее рассказ.

«Похоже, она и в самом деле любила... то есть, любит свою подругу», – с удивлением подумал Александр Борисович.

– Я еще тогда, перед первой встречей, пыталась ее отговорить, – рассказывала Людмила, нервно теребя в пальцах ручку сумочки. – Но разве она послушает! Вдолбила себе в голову,

что хочет экзотических отношений. Я ей говорю: хоть имя его спроси! А она в ответ: не хочу, так интересней!

– Прямо «Последнее танго в Париже», – тихо проговорил Александр Борисович.

– Что? – не поняла Людмила.

– Был такой фильм, – ответил Турецкий. – Не обращайтесь внимания. Продолжайте.

– Ну вот. В общем, пыталась я ее отговорить, но у меня ничего не получилось. А во вторую встречу они...

Турецкий слушал Людмилу с видимым интересом, но мыслями он был далеко отсюда. Если честно, ему было глубоко плевать на судьбу очередной московской дамочки, ошципавшей парочку мужей-бизнесменов, и теперь – от безделья и пресыщенности – выдумывавшей себе все новые и новые развлечения.

Бессмысленная жизнь со страшным и таким же бессмысленным концом.

– Вы меня не слушаете, – сказала вдруг Людмила.

– Напротив, я внимательно вас слушаю, – возразил Александр Борисович. – Значит, этот Родион предложил вашей подруге выйти за него замуж. Как вы думаете, это было серьезное предложение?

– Он подарил ей кольцо! – сказала Людмила.

Турецкий кивнул и уточнил:

– Дорогое?

– Да нет, простая безделушка – не дороже тысячи баксов. А то и меньше.

«Хорошо живем», – насмешливо подумал Александр Борисович, вспомнив, что сам он пять лет назад подарил жене кольцо, стоимостью пятьсот баксов, и ужасно этим гордился. А оказывается, это был даже и не подарок, а так, ничего не стоящая безделушка.

– И согласилась? – спросил он вслух.

– Нет, но готова была согласиться. Этот Родион... или кто он там на самом деле... дал ей три дня на размышление. Сначала она подумала, что это дикость, но потом... Потом стала убеждать и себя, и меня, что это неплохая идея.

– Скажите, Людмила, а этот Родион... он что, в самом деле, представлял собой хорошую партию для такой девушки, как Марина?

– Что вы! – округлила глаза Людмила. – Голодранец из подворотни. Ездил на убитой «мазде» девятьсот лохматого года. Квартирка в панельной девятиэтажке! И на ужин ее пригласил в какой-то заштатный ресторанчик, где даже не умеют готовить лангустов.

– Н-да, – проговорил Турецкий, обменявшись с Плетневым выразительными взглядами. – Действительно, голодранец.

Внезапно зрачки девушки сузились.

– Мне показалось или вы надсмехаетесь? – с вызовом спросила она.

Александр Борисович лениво пожал плечами:

– А какая разница? Вам главное, чтобы мы нашли вашу подругу, верно? При этом мы можем надсмехаться сколько хотим. Даже колесом можем ходить вокруг вас, если это понадобится нам для работы.

Александр Борисовичу не нравилось дерзкое выражение лица девушки и он был не прочь чуть-чуть сбить с нее спесь. Однако Турецкий не думал, что его пустая, в общем-то, тирада произведет на девушку такое впечатление. Плечи ее вдруг ссутулились, по лицу пробежало что-то вроде тени, она отвела взгляд и грустно вздохнула.

– Вы правы, – проговорила она тихим, несчастным голосом. – Главное, чтобы вы ее нашли. Я бы все за это отдала.

Турецкого тронули слова женщины.

– Вы были очень близки? – мягко спросил он.

– Она мне была ближе, чем сестра. Если вы ее не найдете, я никогда себе не прощу.

– Но вы ни в чем не виноваты. Вы пытались остановить ее.

– Значит, плохо пыталась, – со вздохом ответила Людмила.

Турецкий с Плетневым вновь переглянулись.

– Людмила, – снова заговорил Александр Борисович, – попытайтесь вспомнить, Марина не упоминала при вас о чем-нибудь, что помогло бы разыскать этого Родиона?

Женщина покачала головой:

– Нет.

– Фамилия, отчество, улица, на которой он живет, номер машины...

– Есть! – сказала вдруг Люда. – Номер машины! Она посылала мне его по смс! Как я могла забыть? – Людмила полезла в сумочку за телефоном, приговаривая: – Господи, лишь бы сообщение все еще было в памяти.

Пока она доставала телефон и щелкала пальцем по кнопкам, Турецкий молча курил. А Плетнев следил за ее суетливыми движениями спокойным, даже чуть рассеянным взглядом.

– Вот! – сказала Людмила, поднимая кверху телефон. – Есть номер! Первое в списке сохраненных. Завтра оно бы уже было стерто. Тут марка машины – «мазда» и номер. Правда, не весь, – добавила она вдруг и снова приуныла. – Черт, первой цифры не хватает. Видимо, она осталась в предыдущем сообщении.

– Вы уверены, что оно стерто? – уточнил Александр Борисович.

– Да, – уныло ответила Людмила.

– Продиктуйте, пожалуйста, те цифры, что сохранились.

Людмила поднесла телефон к глазам и четко, чуть ли не по слогам, продиктовала номер.

Турецкий быстро записал их в блокнот.

– Как думаете, можно будет разыскать эту машину? – взволнованно спросила Людмила.

– Попробуем, – ответил Александр Борисович. – У вас есть фотография Марины Соловьевой?

– Конечно! Я уже отдала ее вашему начальнику.

При слове «начальник» уголки губ Турецкого слегка дрогнули, а Плетнев едва заметно покраснел. Он поспешно достал из ящика стола снимок и протянул его Александру Борисовичу.

– Благодарю вас, господин начальник, – с улыбкой сказал Турецкий.

– Не стоит благодарности, товарищ подчиненный, – в тон ему ответил Плетнев.

Турецкий, прищурившись, взглянул на снимок, некоторое время изучал его, затем перевел взгляд на Людмилу и спросил:

– Это вы в тренажерном зале?

– Да, – кивнула Людмила. – Мы вместе занимались фитнесом. Там и познакомились.

– Давно?

– Месяца три назад.

Лица Турецкого и Плетнева вытянулись от удивления.

– То есть, вы с Мариной знакомы всего три месяца? – уточнил Александр Борисович.

– Ну да. А что? Вам кажется, что это мало?

– Для такой крепкой дружбы, как у вас, маловато, – заметил Турецкий. – Я думал, вы дружите с детства. В крайнем случае, с юных лет.

– Иногда люди дружат всю жизнь, а потом с легкостью предают друг друга, – сухо сказала Людмила. – А иногда людям хватает и одного дня, чтобы почувствовать необыкновенное душевное родство.

– Да-да, конечно, – кивнул Александр Борисович, не желая обижать девушку.

– В жизни всякое бывает, – поспешно поддакнул и Плетнев. – Мы вот с Александром Борисовичем тоже дружим не с детства и не с юности, а случись что – встанем друг за друга горой. Так ведь, Александр Борисович?

– Безусловно, – усмехнулся Турецкий. – Людмила, – снова обратился он к девушке, – скажите, а вы знакомы с родственниками Марины?

Шилова покачала головой:

– Нет. Я никогда не видела никого из ее родственников.

– А вы знаете, как с ними связаться?

Девушка снова покачала головой:

– Нет. Она вроде говорила, что родителей у нее нет. Я не стала уточнять, потому что видела, что это для нее неприятная тема.

– Так. Ясно. Ну а... где она работает, эта Марина Соловьева?

– Работает? – удивленно переспросила Людмила. – Она нигде не работает. Муж при разводе оставил ей неплохое наследство, поэтому Марине незачем работать.

– А вы знали ее мужа? – уточнил Турецкий.

Однако Людмила и на этот раз покачала головой:

– Нет. Она с ним развелась еще до знакомства со мной.

Плетнев кашлянул в кулак и спросил:

– Расскажите, при каких обстоятельствах вы с ней познакомились?

– Познакомились? – Людмила пожала плечами. – Да как все знакомятся, так и мы. Она записалась к нам в клуб на фитнес, и мы стали встречаться три раза в неделю. Потом пару раз зашли после фитнеса в кафе. Вот так и подружился.

– А дома вы у нее были?

– Конечно, была! И не раз. Однажды даже переночевала у нее. Вот только...

– Что? – прищурился Плетнев.

– Это не совсем ее квартира. Вернее – совсем не ее.

– Как это?

– В ее настоящей квартире уже полгода идет ремонт, а эту... ну, ту, в которой я была...

Марина снимает.

– А других ее подруг вы знаете?

– У Марины не было... то есть, нет других подруг. Она очень трудно сходится с людьми, она сама мне об этом рассказывала. Даже удивлялась, что мы с ней так быстро подружиться. А почему вы спрашиваете?

Плетнев посмотрел на Турецкого, ища поддержки. И поддержка пришла.

– Видите ли, Людмила, – довольно сухо заговорил Александр Борисович. – Вы познакомились с Мариной всего три месяца назад. Вы ничего не знаете о ее родственниках, не видели ни ее бывшего мужа, ни других ее подруг. Вы даже не знаете, где она прописана. Вы ведь не заглядывали в ее паспорт?

– Нет, конечно! – возмущенно воскликнула Людмила.

– Значит, вы даже не знаете, настоящее ли это имя – Марина Соловьева. Она с таким же успехом может быть и Авдотьей Смирновой. Или, скажем, Викторией Кац.

– Что вы мне голову пудрите, – возмутилась Людмила. – Какая еще Кац? Я точно знаю, что она – Марина Соловьева.

Турецкий вздохнул.

– Людмила, ну вы ведь взрослый человек. Неужели вы сами не видите абсурда ситуации. Ваша Марина могла просто съехать с квартиры и вернуться туда, откуда она приехала.

– Но я была у нее в квартире! Квартирная хозяйка сказала, что Марина никуда не съезжала. И вещи ее там!

– Это несколько меняет дело, – неохотно заметил Александр Борисович. – Но ненамного.

Людмила некоторое время молча смотрела на Турецкого. Затем прищурила глаза и резко спросила:

– Значит, вы не будете ее искать?

– Почему бы вам не обратиться в милицию? – ответил Александр Борисович вопросом на вопрос.

– Она туда уже обращалась, – сказал Плетнев. – Ей отказали.

– На каких основаниях? – поинтересовался Турецкий без всякого любопытства, поскольку и так знал ответ.

– На тех же самых, – усмехнулся Плетнев.

Турецкий развел руками, насмешливо глядя на девушку.

– Вот видите, – сказал он. – Даже милиция не взялась за это дело. Чего же вы хотите от нас?

– Милиция? – Лицо Людмила перекосила ядовитая усмешка. – Милиция работает бесплатно. А вы за деньги.

– А вам мама в детстве не говорила, что не все можно купить за деньги? – поинтересовался Александр Борисович.

– Говорила. Значит, вы приняли решение и не собираетесь его изменять?

Турецкий посмотрел на Плетнева, тот пожал плечами. Девушка заметила это движение и снова усмехнулась.

– У меня есть еще один довод. Очень сильный довод. Довод, к которому вы не сможете не прислушаться, – сказала она.

– Любопытно узнать, какой, – флегматично отозвался Александр Борисович.

Людмила раскрыла сумочку, достала из нее конверт и швырнула его на стол.

– Вот мой довод. Потрудитесь ознакомиться.

Плетнев протянул руку и взял конверт. Турецкий даже не посмотрел в сторону конверта. Он просто сидел и курил, меланхолично поглядывая в окно.

Плетнев, между тем, раскрыл конверт, пересчитал его содержимое и сказал:

– Это и впрямь очень веский довод.

– Насколько? – насмешливо приподнял бровь Турецкий.

Плетнев что-то прикинул в голове и ответил:

– Ну... примерно на пятнадцать месячных зарплат старшего оперативника МУРа.

Александр Борисович взглянул на девушку.

– Вижу, вы действительно любите ее и скучаете по ней. Но что, если мы не сможем найти вашу подругу? Зацепок слишком мало.

– Ну, значит, не сможете, – пожал плечами Людмила. – Я ведь понимаю, что ваши возможности безграничны. Кстати, я забыла сказать, что это аванс. Если вы найдете Марину, я заплачу вам еще столько же.

При этих словах щеки у Плетнева слегка порозовели, хотя лицо его сохранило бесстрастное выражение. Турецкий покосился на коллегу и едва заметно усмехнулся. Он знал, что Антон сейчас страшно нуждается в деньгах. Он собрался покупать квартиру, но цены росли так стремительно, что Плетнев никак не мог накопить деньги на первоначальный взнос. Содержимое конверта могло здорово ему помочь.

– Ну? – спросила Людмила. – Что вы решите? Вы возьметесь за это дело?

Александр Борисович стряхнул с сигареты пепел и спокойно сказал:

– В принципе дело не такое уж безнадежное. И если вы готовы потратить деньги, то мы, в свою очередь, готовы честно их отработать. Как думаешь, Антон?

– Думаю, мы за это возьмемся, – ответил Плетнев, глядя на Людмилу.

– Значит, договорились, – кивнула девушка и закрыла сумочку, словно поставила точку в деловых переговорах.

– Вы куда не собираетесь уезжать из Москвы в ближайшее время? – спросил у нее Турецкий.

Людмила подумала и покачала головой:

– Вроде не собиралась. А что?

– Вы нам можете понадобиться. Похоже, вы тут единственный человек, которого интересует судьба Марины. И кто знал... то есть, знает Марину близко. Было бы неплохо, если бы ближайшую неделю вы провели в Москве.

– Значит, так и будет, – сказала Людмила. – Когда вы возьметесь за поиски?

– Сразу после того, как заключим с вами договор, – ответил Антон Плетнев и достал из ящика стола готовый бланк договора.

– Кстати, я вспомнила ее отчество! – выпалила вдруг Людмила. – Оно было в ее абонементе. Отчество редкое – Аристарховна!

– Это очень ценная информация, – кивнул Плетнев, хотя вовсе не был в этом уверен.

2

– Ну что там? – поинтересовался Александр Борисович у Плетнева, когда тот положил трубку на рычаг.

– Дело дрянь, – ответил Плетнев. – В Москве проживает три Марины Аристарховны Соловьевы. Но нашей среди них, похоже, нет. Первая – старушка-пенсионерка, вторая – маленькая девочка, а третья работает в издательском бизнесе, имеет мужа, ребенка и живет с семьей недалеко от метро «Савеловская».

– По возрасту подходит?

– Более-менее.

– Надо ее проверить. На всякий случай.

Плетнев посмотрел на часы.

– Я могу только через пару часов. Мне еще нужно докрутить дело о любовнике этой балерины.

Турецкий кивнул, он знал, что Антон уже почти неделю пытается вывести на чистую воду мужа известной балерины (которая, надо сказать, довольно щедро за это заплатила), но муж – умен, изворотлив и богат, поэтому «прищучить» его удалось только вчера вечером. А сегодня Антон собрался подстраховаться и сделать еще пару-тройку снимков. Работка не из приятных.

– Поганая работа, – проговорил Плетнев, словно прочел мысли Турецкого. – Слава Богу, сегодня закончу, – со вздохом добавил он.

– Заканчивай, – кивнул Александр Борисович. – Третью Марину я «пробью» сам. Данные-то они пришлют?

– Да, по электронной почте. Думаю, должны уже прийти.

Плетнев пощелкал по кнопкам клавиатуры.

– Ага, есть, – проговорил он и послал текст в печать. Тихо заработал принтер, и несколько секунд спустя из него выползли два листка.

– О, тут и портретец имеется, – усмехнулся Турецкий, вынимая листки. – В принципе определенное сходство с нашей Мраиной есть. Но тут совсем еще девочка. Взгляни! – Александр Борисович передал портрет Плетневу.

Тот взял листок, бросил взгляд на портрет и, сдвинув брови, сказал:

– Да, похожа. Нашей Марине тридцать один, Марине из списка – двадцать шесть. А тут совсем еще ребенок. Снимок очень старый.

– Откуда он вообще?

– Из уголовного дела, – усмехнулся Антон.

– Что ты говоришь! И за что ее?

– Угнала с дружкой машину десять лет назад. По малолетке судить их не стали. Провели воспитательную работу и отпустили. А снимочек вот остался.

– Значит, девица боевая, – тихо проговорил Александр Борисович, задумчиво почесывая ногтем переносицу.

– Выходит, так. Кстати, что будем делать, если это она?

– Ну ты спросил, – усмехнулся Турецкий. – Попросим ее подъехать в «Глорию» и устроим очную ставку с Людмилой Шиловой. Если эта Марина – «та самая», то свою работу мы сделали.

– А если она не захочет?

– Чего не захочет?

– Не захочет ехать. Пошлет нас куда подальше и захлопнет дверь перед носом.

– Ну, думаю, в этом случае достаточно будет и фотографии, – пожал плечами Турецкий. Достал из кармана сигареты и недовольно пробормотал: – Занимаюсь черт знает чем. Просто детский сад какой-то.

– Да, но Шилова неплохо заплатила, – заметил Плетнев, несколько виновато поглядывая на своего старшего коллегу. Он понимал, насколько это глупо, когда такой человек, как Александр Борисович Турецкий, вынужден делать работу, с которой справился бы и простой участковый.

– Думаю, за пару дней мы это дело закроем, – добавил Плетнев, глядя на то, как Турецкий прикуривает. И, не зная, что еще сказать, вяло поинтересовался: – Как твоя нога?

– Нормально нога, – ответил Александр Борисович.

– А как... Ирина Генриховна?

– Еще лучше, чем нога, – съязвил Турецкий. – Заезжай на чай с плюшками, пообщайся. Кстати, чего это ты ее называешь по отчеству? Вы ведь, кажется, давно по-простому.

– Не знаю, как-то машинально получилось, – пробубнил Плетнев. – По старой памяти.

– Бывает. – Турецкий глянул на коллегу быстрым, внимательным взглядом. – А у тебя как с личной жизнью? Жениться не собираешься?

– Нет пока. Да и не тянет. После всей той грязи, с которой нам приходится иметь дело... Обманутые мужья, брошенные жены, подложные брачные контракты.

– А ты не забивай себе этим голову, – посоветовал Турецкий.

– Да, наверно, так и надо. Ведь есть же и нормальные браки. Такие, как у вас с Ириной.

Лицо Турецкого похолодело, серые глаза недобро сверкнули из-под нахмуренных бровей.

– Да, ты прав, – сказал он. – У нас с Ириной просто идеальный брак. Когда тебе надоест идти по жизни одному – приходи к нам, усыновим. Всю жизнь мечтал о взрослом сыне.

Турецкий посмотрел на Плетнева и хрипло засмеялся. Антон тоже улыбнулся, хотя ему было совсем не до смеха. Он смотрел на холодное, веселое лицо Александр Борисовича, и в голове у него крутилась одна только мысль: «Знает? Не знает?»

Александр Борисович резко оборвал смех, вмял окуроч в пепельницу и поднялся с кресла.

– Ладно, займусь «третьей из списка». Дай Бог, чтобы это была наша Марина. Не хочется тратить на это дело два дня. Ты Родиона когда «пробьешь»?

– Я уже разослал запросы, – сказал Плетнев. – Жду ответа с минуты на минуту.

– Как только что-нибудь узнаешь, звони мне.

– Разумеется.

3

День был облачный и душный. Небо угрожающе хмурилось на землю с самого утра, но никак не могла «разродиться» хотя бы самым маленьким дождем. Пыльная листва на деревьях была неподвижна и темна.

В предчувствии дождя у Александра Борисовича с ночи ныло больное колено. Боль была несильная, но отвратительная в своем постоянстве. Лекарства Турецкий принципиально не пил уже пару месяцев, предоставив природе полную свободу действий. Нога уже почти не болела, но к непогоде ныла, словно кость мяли и гнули чьи-то невидимые руки.

В духоте улицы рубашка намочила от пота и неприятно липла к телу, и Турецкий с наслаждением нырнул в темную прохладу подъезда, радуясь тому, что электронный замок сломан и ему не пришлось стоять на солнцепеке у двери, ожидая пока Марина или кто-нибудь из ее родных подойдет к домофону.

Дом был совсем не элитный. Подъезд – самый заурядный, если не сказать хуже. Дверь квартиры по-старомодному обшита дерматином.

Александр Борисович вытер носовым платком потный лоб и нажал на кнопку звонка. Тотчас же за дверью послышались шаги, а несколько секунд спустя замок щелкнул и дерматиновая дверь приоткрылась.

Турецкий приветливо улыбнулся блондинке.

– Добрый день! Вы Марина Соловьева?

– Да. Здравствуйте. А вы...

– Александр Борисович Турецкий. Сотрудник частного детективно-охранного агентства.

Я вам звонил.

– Проходите, – без всяких обиняков сказала девушка и распахнула дверь.

Прихожая была небольшая, гостиная – чуть больше прихожей. Ничто в доме не говорило о роскоши.

– Присаживайтесь, куда хотите, – сказала Марина. – Приготовить вам кофе?

– Нет, спасибо.

– Тогда, может быть, чего-нибудь выпить? – Марина улыбнулась. – Водки хотите?

– Спасибо, воздержусь, – вежливо ответил Александр Борисович.

– Зря. Мой муж каждый день выпивает по сто грамм. Он уверен, что водка в ограниченных количествах полезна для организма.

– Я тоже об этом слышал.

– Она выводит из организма всякую гадость, – сообщила с важным видом Марина. – Я сама пробовала пить, но не могу. Слишком противно. Уж лучше чай, кофе или вино.

Турецкий, сидя на диванчике, огляделся. На стенах висели фотографии в медных и деревянных рамках. На подсервантнике стоял бронзовый канделябр.

– Вы одна дома? – осведомился Александр Борисович.

– Да. Муж на работе, дитя в садике. А сама я малость захворала, поэтому уже третий день торчу дома.

Марина села на диван и поджала под себя ноги.

Турецкий незаметно взгляделся в ее лицо. Она? Не она? В принципе похожа. Тот же овал лица, большой рот, темные, аккуратные брови.

– Чего это вы меня разглядываете? – подозрительно прищурилась Марина.

– Я не разглядывал.

– Да ладно, я же видела. Я очень наблюдательная. Муж меня из-за этого даже побаивается. Так почему вы меня разглядывали?

Турецкий пожал плечами:

– Просто вы очень симпатичная девушка, – мягко сказал Турецкий.

Марина улыбнулась.

– Вы тоже ничего. Но не вздумайте за мной ухаживать. У моего мужа разряд по боксу.

Если что – он может здорово вам накостылять.

– Спасибо, что предупредили. Постараюсь держаться от вас как можно дальше.

– Итак, Александр... забыла, как вас по отчеству?

– Борисович.

– Итак, Александр Борисович, о чем вы хотели со мной поговорить?

– Видите ли, Марина... – Турецкий чувствовал себя ужасно глупо, но делать было нечего. – Мы разыскивает девушку, которую зовут так же, как вас, – Марина Соловьева. И внешне она тоже на вас похожа.

– Вот как? – Марина улыбнулась. – Интересно. Значит, у меня есть двойник? Кто она? Кем работает?

– Никем, – ответил Александр Борисович. – Она домохозяйка.

Девушка вздохнула:

– Везет же некоторым. А я тут кручусь с утра до вечера, как белка в колесе. С утра встань, приготовь завтрак семейству, потом – на работу, а вечером – снова к плите. Отдыхаю только на больничном. Так что вы хотели от меня, Александр Борисович? Чем я-то могу помочь?

Турецкий открыл рот для ответа, но Марина его опередила. Глаза ее лукаво блеснули, и она весело произнесла:

– А, понимаю, понимаю. Вы пришли убедиться, что я – это не она. Так?

– Так, – кивнула Турецкий.

– Ну и как? Убедились?

– Да. Но, если вы позволите, я хотел бы вас сфотографировать.

Марина нахмурилась.

– Для чего это?

– У девушки, которая пропала, есть очень ретивая подруга. Пока она не увидит вашу фотографию, она не успокоится.

– Ясно. Она что, сумасшедшая?

– Может быть, но я не психиатр, чтобы выносить диагнозы, – сказал Турецкий. – Так как, Марина? Позвольте вас сфотографировать?

Женщина пристально посмотрела на Турецкого и томно улыбнулась.

– А что, если я откажусь, Александр Борисович?

– Тогда я вынужден буду привезти эту женщину сюда, и мы будем караулить вас у подъезда.

– И все это лишь затем, чтобы взглянуть на меня?

Турецкий кивнул:

– Именно.

Некоторое время Марина с любопытством разглядывала его, потом положила ему руку на колено и с усмешкой заметила:

– Поганая у вас работа, Александр Борисович.

– Я сам от нее не в восторге, – ответил Турецкий, бросив взгляд на руку девушки, лежащую у него на колене.

– В каком же ракурсе вы хотите меня... сфотографировать, – хрипло спросила Марина, чуть-чуть приближаясь к Турецкому. Ее рука скользнула выше по его бедру.

– Ракурс у нас будет самый простой, – сказал Александр Борисович. – Анфас.

– Лицом к лицу? – уточнила с улыбкой девушка. – Мне это нравится. Это мой любимый ракурс.

Она еще ближе пододвинулась к Турецкому.

– Александр Борисович, вам кто-нибудь говорил, что вы очень эффектный мужчина? – тихо спросила Марина.

– Говорили, и не раз. Но это было давно. Слишком давно.

– Хотите сказать, что вы уже старый?

– Мне под пятьдесят, – ответил Турецкий.

– Для мужчины это не возраст, – сказала Марина, приближая свои губы к его губам и переместив руку еще выше.

Турецкий медлил. Полы халата девушки слегка разошлись, открыв часть груди и живот.

– Ну, что же вы? – прошептала Марина, почти касаясь губами его щеки. – Не можете решиться? Если вы боитесь моего мужа, то он вернется с работы только вечером. Да и не такой он страшный.

– Дело не в нем, – сказал Турецкий.

– А в чем? Со здоровьем у вас все в порядке – я это чувствую. Что же вас останавливает?

– Я женат, – сказал Александр Турецкий.

– Ну и что? Думаете, ее это останавливает? Или ваша жена святая?

Внезапно Турецкий почувствовал злость. Он легонько оттолкнул от себя девушку и поднялся с дивана.

– Мне нужно идти, – сказал он довольно холодно. Затем достал из кармана пиджака телефон и включил режим фотосъемки.

– Вот вы как? – удивленно проговорила Марина. Затем неприятно усмехнулась. – Видать, у вас, и впрямь, большие проблемы. Стойте! Не фотографируйте! Я вам не разрешала!

Однако Турецкий успел сделать несколько снимков. Он спрятал телефон в карман и направился к выходу.

– Я расскажу мужу, что вы ко мне приставали! – крикнула ему вслед Марина, вскакивая с дивана. – Он очень ревнивый! Он вас из-под земли найдет, слышите!

Турецкий молча прошел в прихожую.

– Я запомнила ваше имя, Турецкий! – продолжала яростно кричать женщина. – Вам конец, слышите! Вас уже нет!

«Нет в мире никого страшнее обиженной женщины», – с усмешкой подумал Турецкий, припомнив какой-то афоризм.

Он распахнул дверь и вышел в подъезд, не обращая внимания на несущиеся ему вслед проклятия.

На улице он снова достал телефон и просмотрел снимки. В принципе неплохо. Лицо видно вполне четко.

«Это вполне может быть она, – подумал Александр Борисович. – Девчонка явно не дружит с головой. Характер авантюрный. Комплексов – ноль. Никаких сдерживающих факторов. Явная искательница приключений. Скорей бы показать фотографии Шиловой и закрыть дело».

На душе у Александра Борисовича было довольно погано. Но, так или иначе, а работа была сделана.

4

Из дневника Турецкого

«Что-то в последнее время меня не отпускает хандра. Живу словно во сне. И не просто во сне, а в противном сне, почти в кошмаре. Лица людей вызывают раздражения, даже лица тех, кого люблю.

Ирина ходит с лицом мрачнее тучи. Все косится на мою бутылку. Не знаю, почему, но эти ее взгляды еще больше подстегивают меня к выпивке. (Интересно, правильно ли так говорить – «подстегивает к выпивке»? Наверняка неправильно, но плевать.)

В принципе «не такой уж горький я пропойца», как писал Есенин. А без рюмки-другой уснуть не могу. В голове теснятся мысли. Даже не мысли, а так, какие-то хвосты мыслей, какие-то недоговоренности и недодуманности. Как будто ленивый мозг не может додумать ни одну мысль до конца.

Сегодня пообщался с «третьей Мариной». Элементарная нимфоманка, каких я встречал в своей жизни десятки раз. Совершенно без царя в голове, но для женщины это норма. Нарывалась на ласки – но я отказал. И сам себе удивился. В сущности, что меня сдерживает? Совесть? Нет на свете никакой совести, все это выдумка для молодых людей. Жена? Но о ней я даже не подумал, даже не вспомнил. Честь? Какая еще к черту честь?

В общем, абсолютно непонятная ситуация. Ничто меня не держит, ничто мне не мешает, а я поступаю как высокоморальное животное. Отвергаю красивую самку и спешу скрыться от нее бегством. Наверное, просто не хочу наживать себе проблем. Хотя своим отказом я, кажется, проблемку себе все же нажил. Если она расскажет мужу о том, что я ее «домогался», и он припрется в «Глорию» выяснять отношения – пожалуй, будет конфликт.

А плевать.

Показал фотографии Марины заказчице – Людмиле Шиловой. С ходу заявила, что это «не та Марина». И взгляд при этом был такой, словно вот-вот спросит:

– Чем вы вообще занимаетесь, господа сыщики? За что я плачу вам деньги?

Плетнев, кажется, слегка расстроен. Он, как и я, рассчитывал, что мы раскрутим это дельце за день. Но не получается.

– Как продвигается расследование? – поинтересовалась Шилова.

– Успешно, – на голубом глазу ответил ей Плетнев. – У нас уже есть пара хороших зацепок.

А ведь раньше абсолютно не умел врать. Похоже, и его испортила работа.

– Денег хватает? – поинтересовалась Шилова с усмешкой. – Если нужно, я могу добавить на расходы.

А вид такой, как будто богатая купчиха полицейского-будочника отчитывает.

Плетнев тоже эту нотку в ее голосе уловил. Побагровел, зубами скрипнул.

– Спасибо, – отвечает. – Средств вполне хватит. По крайней мере, пока.

Тертый мужик. Наверняка руки чесались задушить эту раскрашенную, высокомерную куклу. Не задушил.

Номер машины таинственного плейбоя Родиона «пробили». Если ничто не помешает, завтра с ним встречусь. Сегодня звонил ему. По голосу вроде вполне нормальный мужик. Сильно удивился, когда узнал, что я из детективного агентства, потом разволновался...

Только что в комнату входила Ирина. Сказала всего два слова – «иди ужинать». Но сколько холода, сколько презрения в этих двух словах. Посмотрела на бутылку, нахмурилась, но ничего не сказала.

Хорошо, что Нинка сейчас с нами не живет. Ей было бы неприятно наблюдать, как папа и мама постепенно сходят с ума. И как отращивают клыки, чтобы когда-нибудь (думаю, это время уже не за горами) перегрызть друг другу глотки.

Тут я ставлю точку, и записи конец».

5

Плетнев и Ирина стояли у ворот музыкальной школы. Плетнев терпеливо ждал, пока она, прикрыв ладонью огонек зажигалки, прикурит. Огонек, однако, едва вспыхнув, тут же гас, и Ирине приходилось снова вертеть колесико зажигалки. Пальцы у нее слегка подрагивали.

– Давай я, – сказал Плетнев и хотел забрать зажигалку, но Ирина не дала.

Она мучилась еще несколько секунд, и, наконец, прикурила. Спрятала зажигалку в карман куртки, посмотрела на Плетнева и улыбнулась.

– Видишь, справилась сама. Ты, Антон, меня явно недооцениваешь.

Плетнев тоже улыбнулся. Из окна музыкальной школы слышались детские голоса, затем кто-то бряцнул по клавишам пианино и весело засмеялся. Остальные дети подхватили его смех. Взгляд Ирины стал теплым, облачным и задумчивым.

Плетнев смотрел не на окна, он смотрел на Ирину. Видно было, что он хочет что-то сказать, но не знает, как начать. Наконец, Антон решился.

– Мой сын любит тебя больше, чем любил свою мать, – сказал он.

– Он тянется ко мне, – сказала Ирина. – Обычно в таких ситуациях говорят, что ребенку не достает женской ласки. Возможно, это и так.

– Я все жду, когда же он назовет тебя «мама», – сказал Плетнев.

– Он пытался. Но я сделала ему внушение.

– Правда?

– Правда. Он очень ласковый мальчик. Даже моя Нина не была в его возрасте такой.

Плетнев усмехнулся. Ирина посмотрела не него и заметила:

– Тебе, Антон, пора жениться. Ребенку нужна мать. И не чужая тетя, как я, а настоящая. Такая, чтобы всегда была рядом.

– Ближе тебя у него никого нет, и вряд ли когда-нибудь будет, – возразил Плетнев. Он помолчал, о чем-то напряженно думая, потом сказал: – Я, конечно, могу ошибаться, но... По моему, Александр Борисович этого не одобряет.

Ирина подняла на него удивленный взгляд:

– Чего не одобряет?

– Того, что ты так много времени проводишь с моим сорванцом. Вы ведь с ним и по вечерам, и на выходные.

Ирина фыркнула.

– Чепуха. Саня прекрасно относится к твоему сыну. Он любит его так же, как я. Просто он сдержан в проявлении эмоций, но мужчина ведь и должен быть таким.

– Вовсе не обязательно, – сказал Плетнев. – В последнее время Турецкий уж слишком суров. Я даже забыл, когда он в последний раз улыбался.

– У него сейчас трудный период.

– Может быть, – согласился Плетнев. – Но это «трудный период» слишком сильно затянулся.

Ирина выпустила облако дыма, затушила сигарету о железную стойку ворот и бросила ее в урну. Порыв ветра разметал ее волосы. Плетнев все это время смотрел не нее и вдруг не выдержал, схватил руки Ирины, поднес их к своим губам и принялся целовать.

Ирина не возражала и не пыталась вырвать руки. Она молча и удивленно смотрела на Плетнева.

– Тебе с ним плохо, – хрипло говорил Плетнев. – Он мучает тебя. Ты должна от него уйти.

Ирина покачала головой и тихо сказала:

– Нет. Не должна.

– Он не любит тебя, – продолжал хрипло шептать Плетнев. – Он тебя не ценит. Он вообще никого не любит. Брось его.

Ирина высвободила руки и сунула их в карман летней куртки.

– Я не хочу об этом говорить, – сказала она.

– А я хочу! Я хочу, потому что...

И снова Плетнева качнуло к Ирине, словно притянуло магнитом. На этот раз он поцеловал ее в губы. Попытался обнять, но Ирина высвободилась.

– Не надо, Антон. Только не здесь.

– Почему?

– Нас могут увидеть.

– Пускай! Пускай видят. Мне нечего скрывать.

Губы Ирины тронула едва заметная, почти невесомая полуулыбка.

– Мужчине всегда нечего скрывать, – сказала она. – Его ведь никто не осудит. Осудят женщину.

– Да плевать мне на эти осуждения. Почему я должен скрываться, юлить, хитрить?

– Потому что я замужем, – сухо ответила Ирина.

– Замужем за человеком, который и в грош тебя не ставит! За человеком, которому бутылка водки дороже, чем ты! Еще год, и он превратится в пропойцу.

– Не говорит так, Антон. Это несправедливо.

– Турецкий – эгоист. Он лелеет свое маленькое личное горе, как будто это вселенская трагедия. И не замечает, как страдают его ближние. Если ты уйдешь от него, он этого даже не заметит.

– Ему плохо, – снова возразила Ирина.

Плетнев ослабил зубы в улыбке.

– Если ему так плохо, взял бы пистолет, прижал дуло к виску и спустил курок. Это был бы мужской поступок.

Ирина пристально посмотрела на Плетнева, затем небрежно проговорила «прощай», повернулась и пошла к метро.

– Ира! – окликнул ее Плетнев. – Ты сама знаешь, что я прав!

Однако она не остановилась.

Плетнев постоял еще немного, глядя ей вслед, затем повернулся и направился в другую сторону.

– Если он и дальше будет ее так мучить, я его убью, – тихо проговорил он.

6

– Боже мой! Боже мой! – Плотников взъерошил руками волосы. – А я все думал – почему она не пришла? Знаете, я ведь даже номер ее телефона не знаю. Я спрашивал, но она не дала. Сказала, что так интереснее.

Турецкий молча разглядывал Родиона Плотникова. Это был рослый, сильный мужчина с темными волосами и добродушным, мужественным лицом, из тех, что так нравятся женщинам. Даже ямочка на подбородке присутствовала.

Они сидели во дворе дома, в котором жил Родион. Турецкий предложил подняться, но Родион не захотел, сославшись на то, что к нему в гости приехали родственники из провинции и теперь там «не квартира, а настоящий цирк».

Переживал он вполне искренне. Лицо побледнело, губы слегка подрагивали.

«Либо он хороший актер, либо и впрямь сильно запал на эту девчонку», – подумал Александр Борисович.

– Вы встречались с ней всего несколько раз, – сказал Турецкий. – А переживаете так, словно Марина – ваша жена или сестра. Неужели, она так глубоко запала вам в душу?

Родион вскинул голову и пристально посмотрел на Турецкого.

– Какая разница, сколько раз мы встречались? – сказал он довольно резко. – Иногда достаточно и одной встречи, чтобы понять, что перед тобой человек, которого ты искал всю жизнь.

– Вот как, – неопределенно проговорил Турецкий, которого почти насмешил нештучный пафос Плотникова. От улыбки он, однако, воздержался.

– Вы, в самом деле, сделали Марине предложение? – поинтересовался Александр Борисович, закуривая.

– Да? А вас это удивляет?

– Конечно.

– Потому что мы с ней встречались всего несколько раз?

Александр Борисович выпустил облако дыма и покачал головой:

– Нет. Главным образом, потому, что вы уже женаты.

Плотников замер.

– Откуда вы знаете? – неприязненно спросил он.

– Навел справки, – спокойно ответил Турецкий. – У вас есть жена и дочь. Получается, что вы просто пудрили девушке мозги. Не понимаю, зачем вам это понадобилось.

– Вы что, никогда не были влюблены?

– Был-не был, какая разница? Вам не кажется, что делать предложение девушке, будучи женатым человеком, как-то... некрасиво?

– Мы женаты только номинально, а фактически уже давно в разводе, – горячо сказал Плотников. – Мы даже не живем вместе! Она еще полгода назад уехала к теще в Ростов.

– Правда? – Тут Турецкий усмехнулся. – А гости из провинции, о которых вы давеча говорили, это случайно не жена и теща?

В груди Родиона что-то забулькало, как в глотке у рассерженного зверя.

– Перестаньте ухмыляться, – прорычал он, глядя на Турецкого пылающими от ярости глазами. – Иначе мне придется стереть эту ухмылку с вашего лица.

– Вот уж не подумал бы, что вы такой чувствительный, – небрежно сказал Александр Борисович, тоже чувствуя, как в груди у него поднимается глухая ярость. – Интересно, а если бы Марина согласилась? Что бы вы делали дальше? Познакомили бы ее с женой и дочерью и зажили бы все вместе – одной счастливой семьей?

Плотников вскочил со скамейки. Он навис над Турецким, сжимая кулаки, и прорычал:

– А ну встань!

– Зачем? – поинтересовался Александр Борисович, с любопытством разглядывая Плотникова, как энтомолог разглядывает интересный экземпляр насекомого.

– Встань, чтобы я смог набить тебе рожу, – гневно прохрипел Родион.

– Что вам мешает набить мне рожу в сидячем положении? – насмешливо поинтересовался Турецкий.

– Я не бью сидячих.

– Правда? В таком случае, это ваша проблема. Послушайте, Плотников, хватит валять дурака. Девушка, с которой вы встречались, пропала. Вы – главный подозреваемый. Не в вашем положении изображать из себя Майка Тайсона.

Родион молчал, хрипло дыша и сжимая кулаки.

– Ну, хорошо, – кивнул Александр Борисович. – Допустим, мы набьем друг другу физиономии. И что это изменит?

– Для меня кое-что изменит, – сказал Родион и зловеще улыбнулся. – По крайней мере, я получу от этого удовольствие.

Турецкий покачал головой:

– Вряд ли. Я неплохой боец, уверяю вас. У меня была сложная жизнь, и я кое-чему научился. А к вам я пришел не драться, а выяснить истину. Истину, Плотников. А вы ведете себе как несмышленный ребенок. Если вы не хотите разговаривать, мне придется побеседовать с вашей женой и расспросить обо всем ее.

– Думаешь, я тебя к ней пуцую?

– Думаю, я в любом случае найду способ с ней встретиться, – спокойно сказал Турецкий. – Потому что мне платят за мою работу, и я обязан делать ее хорошо. Так что кончайте паясничать и садитесь. Мы должны закончить разговор.

Плотников еще несколько секунд постоял, затем нехотя опустился на скамейку.

– Рад, что вы приняли правильное решение, – сказал Александр Борисович.

– Просто я решил, что набить вам рожу всегда успею, – огрызнулся Родион.

– И это правда, – кивнул Турецкий. – Итак, я хочу знать, какие у вас были планы относительно Марины? Только отвечайте честно и серьезно, без ваших пафосных выкрутасов.

– Планы были серьезные, – угрюмо ответил Плотников. – Я собирался развестись с женой и жениться на Марине.

– Вы ведь о ней почти ничего не знаете.

– Я знаю, что люблю ее. Этого достаточно.

– Что она вам о себе рассказывала?

Плотников мрачно покосился на Турецкого:

– А вам не кажется, что вы лезете не в свои...

– Не кажется, – перебил его Александр Борисович. – Пока девушка не нашлась, это мои дела. Итак, что она вам о себе рассказывала?

Плотников отвернулся, вздохнул и ответил:

– Да почти ничего. Ей казалось, что чем меньше мы друг о друге знаем, тем интереснее. Я догадывался, что она не бедствует. У нее были дорогие вещи. И в ресторане, в который я ее привел, она смотрела на еду брезгливо, как дворянка на крестьянскую еду. Поначалу меня это даже встревожило. Но потом я понял, что с Мариной все в порядке. Даже если у нее есть деньги, они абсолютно ее не испортили.

– Она не говорила вам, откуда родом?

Плотников покачал взлохмаченной головой:

– Нет.

– А о родственниках не рассказывала?

– Не рассказывала.

- О друзьях, знакомых?
- Я же вам говорю – нет.
- О чем же вы говорили? – слегка удивленно поинтересовался Турецкий.
- О всякой всячине. Думаете, кроме родственников, людям и поговорить не о чем.
- Но должна же она была хоть что-то о себе рассказать! – гнул свою линию Турецкий.
- Да ничего она не рассказывала! – снова вспыхнул Плотников. – Мы просто болтали.

Шутили, смешили друг друга, гуляли. Я рассказывал ей про Москву. А она... – В кармане у Плотникова зазвонил телефон. – Извините...

Он достал трубку, клацнул по кнопке и приложил к уху.

– Алло... Да-да, заказывал... Да, рамы. Пришлите по тому же адресу, что и раньше... – Плотников покосился на Турецкого и сказал: – Ну, примерно через час... Хорошо. Спасибо!

Он отключил связь и убрал телефон в карман.

– Что, решили поменять рамы на окнах? – поинтересовался Александр Борисович.

– Да, пора бы уже, – неохотно ответил Плотников.

– Я бы мог посоветовать хорошую фирму, но вижу, вы уже обо всем договорились.

Плотников ничего на это не ответил.

– Вернемся к нашему разговору, – сказал Александр Борисович. – Итак, вы рассказывали Марине про Москву? Выходит, она плохо знала столицу?

– Нет, не то. Насколько я понял, она передвигалась по Москве только в автомобиле, – объяснил Плотников. – А я научил ее ходить по городу пешком. Шляться по бульварам и площадям, глазеть на прохожих, есть мороженое в парках.

– И это все? – снова спросил Александр Борисович. – Это все, что вы делали?

– Почти.

– Но, кроме прогулок, у вас был еще и секс, – сказал Турецкий.

Плотников снова вскочил со скамейки.

– Знаете что... – глухо проговорил он. – Скажите спасибо, что вы сыщик, и что ищите Марину. Если бы я не думал, что вы можете принести ей пользу, я бы выбил вам мозги.

«Похоже, я его по-настоящему достал, – удовлетворенно подумал Турецкий. – Надавить бы на него еще посильнее, да видно уже не получится. А жаль – раскололся бы, как гнилой орешек».

– Спасибо, что были терпеливы, – сказал Турецкий, на этот раз без тени насмешки. – Вы правы, если Марина попала в беду, я могу быть ей полезен. Надеюсь, что с ней все в порядке. Но я хочу, чтобы вы помнили: если вдруг милиции случится найти труп Марины, вы будете первым, к кому они заявятся. И разговаривать они с вами будут не так, как я.

Говоря это, Турецкий внимательно разглядывал лицо Плотникова. Когда он произнес слова «труп Марины», лицо Родиона исказилось, словно его стянула болезненная судорога, а веки дрогнули.

«Похоже, он все-таки ни при чем», – подумал Александр Борисович.

Он тоже поднялся со скамейки.

– Но я надеюсь, что с Мариной все в порядке, – повторил Турецкий и протянул Плотникову руку. – Всего доброго.

Плотников посмотрел на протянутую руку, помедлил несколько секунд, потом хоть и нехотя, но пожал ее.

– Если что-нибудь узнаете, позвоните мне, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Турецкий.

– И не думайте, что я хотел посмеяться над Мариной или как-то использовать ее. Все, что я вам сказал про отношения с женой, правда.

– Надеюсь, что так.

Плотников повернулся и зашагал к подъезду, но, сделав всего пару шагов, вдруг остановился. Медленно повернулся к Турецкому и сказал:

– Не хотел вам говорить... Но вдруг это пригодится.

– Что? – спокойно спросил Александр Борисович.

– Ночью... пока я спал... Марина рылась в моих вещах.

– То есть? – прищурился Турецкий.

– То и есть. Обыскала мою одежду и шкафы. Причем сделала это аккуратно. Я бы даже сказал – профессионально. Дело в том, что жена... когда мы еще жили вместе... постоянно искала у меня «зачапки». И я научился нескольким фокусам... В общем, я умею определять, когда трогают мои вещи.

– Что она искала?

Плотников пожал плечами:

– Понятия не имею. Я ей ничего не сказал. Мало ли, какие у нее могли быть причины? Может, она хотела убедиться, что я не женат, и для этого искала мой паспорт.

– Нашла? – поинтересовался Александр Борисович.

Плотников усмехнулся и покачал головой:

– Нет.

Затем отвернулся и снова зашагал к подъезду. На этот раз он больше не останавливался.

* * *

Звонок телефона разбудил Турецкого в час ночи.

– Алло, Александр Борисыч, это Плетнев!

– Да, Антон. Привет. – Рука потянулась за сигаретой. – Что случилось?

– Недалеко от дома Родиона Плотникова есть пруд.

– Ну да, есть. Я проходил мимо.

Турецкий вставил сигарету в губы и взял со столика зажигалку.

– Так вот, час назад в этом пруду нашли труп!

Зажигалка замерла в пальцах Турецкого.

– Как труп? Какой труп?

– Труп женщины. Молодой женщины.

Турецкий ошалело тряхнул головой и крутанул колесико зажигалки.

– Александр Борисыч, ты меня слышал?

– Слышал, Антон, слышал. – Турецкий махнул рукой, отгоняя от лица табачный дым. –

Его уже...

– Труп нашли мальчишки! – выпалил Плетнев. – Гоняли по пруду плоты, ну и нарвались.

– Ясно. Его уже опознали?

– Нет. Дело в том, что труп этот... без головы.

Лицо Турецкого оцепенело.

– Без головы? – тупо произнес он.

– Да. Без головы и кистей рук. Голова и руки отпилены.

– Черт... – выдохнул Александр Борисович вместе с дымом. – За Плотниковым уже выехали?

– Да, его уже взяли. Сейчас с ним беседует следователь.

– Да, дела, – тихо проговорил Турецкий.

– Не хочу показаться циником, но нам это на руку, – сказал Плетнев. – Нашу работу можно считать выполненной. Вот только не знаю, как теперь поступить с гонораром. Нужно, наверно, его вернуть Шиловой. Как ты считаешь?

– Это ты у нее спросишь. Ты ей уже звонил?

– Да. Завтра утром она поедет на опознание. В восемь часов.

– Н-да... – хмуро проговорил Турецкий.

– Может быть, это еще и не Соловьева, – предположил Плетнев.

– Все может быть. – Турецкий глянул на часы. – В общем, план действий у нас с тобой будет следующий. Если будут еще какие-нибудь новости – тут же позвони мне. Если нет, то поговорим обо всем утром.

– Хорошо. А что ты предпримешь сейчас?

– Сейчас? Сейчас, Антон, я лягу спать. День был тяжелый. Постарайся не будить меня без повода. Договорились?

– Договорились, – запнувшись, ответил Плетнев.

– Ну, бывай.

Турецкий брякнул трубку на рычаг.

Он докурил сигарету, затем вмял ее в пепельницу, как вдруг услышал у двери какое-то движение. Александр Борисович поднял голову и увидел, что в дверях, кутаясь в халат, стоит Ирина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.